

попаданец

попаданец

Алексей Янов

СМОЛЕНСКАЯ РУСЬ
КНЯЖИЧ

Попаданец (АСТ)

Алексей Янов

Княжич

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Янов А.

Княжич / А. Янов — «Издательство АСТ», 2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-139013-6

Год 1237. Фонтанирующая кровью Русь перед нашествием Орды... и наш попаданец в тело умирающего смоленского княжича. Осталось четыре года до нашествия татаро-монгольской орды на Русь, раздираемую княжескими междоусобицами, в которых активно участвует отец княжича, князь Смоленский. Успеет ли княжич подготовить свою панцирную пехоту и вооружить рать новым оружием, ведь он отлично знаком с процессами литья чугуна и стали, а химия вообще его конек?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139013-6

© Янов А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Янов Княжич

© Алексей Янов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Введение

(к прочтению необязательное)

Описываемый в романе исторический период из-за недостатка сохранившихся письменных источников крайне туманен. Смоленские летописи, повествующие о XIII веке, попросту до нас не дошли, поэтому историкам приходится черпать информацию из других, иногородних летописных списков, а они дают о Смоленске крайне скудную и зачастую противоречивую информацию. До сих пор даже не понятна и вызывает споры родословная некоторых смоленских князей, как, например, Изяслава Мстиславича – одного из главных действующих лиц в произведении. Что уж в таком случае говорить о боярах и других менее важных лицах – они исторической литературе если и известны, то лишь на уровне мифологизированных слухов, как некто Меркурий Смоленский, противостоящий монгольским отрядам, возвращающимся с Новгородчины. Поэтому все местные, «смоленские» действующие лица в книге, будь то княжич, бояре, дружинники или иные горожане, являются не более чем авторским вымыслом. Но и с реальными персонажами из других княжеств тоже не все чисто с исторической точки зрения, присутствуют в некотором количестве авторские допущения или даже произвол. Но это всё-таки не учебник истории, а жанр попаданческой фантастической альтернативной истории.

Возвращаясь к князю Изяславу Мстиславичу, необходимо, чтобы в дальнейшем не возникло недопонимания, кое-что пояснить. В исторической литературе до сих пор ведётся спор о том, кем он был – князем Смоленским или Новгород-Северским. Разные летописи дают диаметрально противоположные ответы на этот вопрос.

В большинстве исследований он признается сыном Владимира Игоревича, княжившего в Галиче около 1206–1207 годов (Карамзин, 1991. С. 635, примеч. 347; Соловьев, 1993. С. 129–131, 321–322; Андрияшев, 1887. С. 165; Феннел, 1989. С. 113; Dimnik, 1978. P. 107–170; Dimnik, 1981. P. 74; Гумилев, 1992. С. 504; Котляр, 1997. С. 101; Майоров, 2001. С. 542, примеч. 83). На отсутствие оснований для такого отождествления указывала другая группа исследователей, для которых более верным представляются прямые указания источников на происхождение Изяслава от Мстислава Романовича (Грушевский, 1900. С. 149; Грушевский, 1991. С. 282, примеч. 2; Пашуто, 1950. С. 214–216). Промежуточное положение занимает гипотеза А. А. Горского о том, что Изяслав был сыном Мстислава Мстиславича Удалого, то есть одним из тех детей Мстислава, которым Даниил в 1231 году передал Торческ (Горский, 1996 (1). С. 14–15).

В Ипатьевской и Новгородской первой летописях отчество Изяслава не указано (ПСРЛ, II, 770–774; НПЛ, 74, 284). Однако в большинстве других сводов он именуется Мстиславичем (ПСРЛ, I, 457, 513; V, 214; VI, 287; Татищев, 1995. С. 229), причем иногда уточняется, что он был сыном Мстислава Романовича Старого, погибшего на Калке (ПСРЛ, VII, 236; X, 104; XV, 364; XXV, 126). Ориентируясь именно на эти летописные указания, Изяслав Мстиславич в дальнейшем будет указываться со смысловой пометкой «Смоленский», то есть ведущий свою родословную из династии Ростиславичей.

Глава 1

Смоленское княжество. Город Зарой.

Февраль 1233 года¹

Второе кряду мое пробуждение в XIII веке в эмоциональном плане выдалось куда менее драматичным первое. Я проснулся впотьмах. Скучно рассеиваемый сумеречный зимний свет с трудом пробивался через тусклое слюдяное оконце. И вновь я проснулся в теле тринадцатилетнего подростка, которое неведомо каким образом оказалось занято моим сознанием, переброшенным сюда прямиком из XXI века. Душа мальчика, по всей видимости, покинула свое телесное обиталище. Во всяком случае, в своей новой телесной оболочке присутствие каких-то посторонних сущностей я не чувствовал. Все указывало на то, что этот подросток оказался целиком и полностью, по чьей-то прихоти или волею случая, в полном распоряжении духа пришельца из будущего – или, может, параллельного мира?

Вчера весь день я пребывал просто в шоковом состоянии. Первые несколько секунд, лежа на спине, я бездумно пялился в бревенчатый потолок, все никак не мог понять, где я и что здесь вообще происходит...

– Оклемался княжич! – Первое, что я услышал – это был чей-то невнятный возглас с каким-то странным акцентом, резанувшим мой слух.

Я медленно повернул голову на звук. Перед глазами вдруг все сразу закачалось, словно я оказался на корабле в штормовую погоду. С трудом зафиксировал взгляд на чьем-то усатом лице. Рядом всплыли другие явно встревоженные бородато-усатые, незнакомые физиономии.

– Владимир Изяславич! Наконец-то очухался! – искренне обрадовался первый увиденный мною здесь усач.

– Я Михаил! – ответил я и тут же сам поразился своему непривычно звучащему голосу.

– Истинно так, княжич, то твое крестильное имя! Сейчас твой отец придет, его уже позвали! Вот радость-то у князя будет!

– Кто ты? Какой еще князь? – изумился я, еле-еле раскрывая ссохшийся рот, с трудом шевеля обезвоженным языком.

– Опаматовал! – лицо усача побледнело.

Тут в комнату влетел еще один ряженный мужик, лет пятидесяти.

– Сыне! Очнулся! – радостно взревел вошедший и полез своими руками ко мне, с явным намерением обнять.

– Тихо, княже! – одернул князя усач.

– Что ты, Перемога?! В своем ли ты уме? – голос князя от негодования буквально окутал всех здесь присутствующих леденящим холодом.

– Я-то, Изяслав Мстиславич, слава богу, в своем разумении, да вот беда, сын твой никого не признает! Видать, напрочь обеспамятовал от хвори!

– Сыне, верно ли твой пестун рекёт?

Я молчал, обдумывая ответ. Явно ведь, что угодил я в какую-то чертовщину – уже успел бросить мимолетный взгляд на свои руки, которые оказались вовсе и не моими!

Князь, наверное, прочитал ответ по моему беспомощному взгляду.

– Плевать! Заново всему обучим, главное – жив остался! – с этими словами отец моего нового тела приподнял меня, крепко сжимая в объятиях.

---

¹ Автор сознательно вводит анахронизм, так как современное летосчисление от Рождества Христова было принято на Руси только в 1700 г. До этого же вели счет «от сотворения мира». Тогда это «лютевь (сечень) 6741 года от сотворения мира».

Проснувшись во второй раз все в той же средневековой комнате, я принялся вновь и вновь перекручивать в голове мысли, нагрывшие воспоминания. Тело затекло, и я постарался тихо потянуться под тёплой медвежьей шкурой. За спиной послышалось чье-то пыхтение, очевидно, в комнате я был не один. Поскрипывая досками, я перевернулся на другой бок.

На соседней лавке сосредоточенно наматывал на свои ноги полотняные, давно не стиранные обмотки мой свитский. Вчера он вроде как назвался странным именем или прозвищем Тырий, я так толком и не понял. Сильно не разлепляя глаз, взгляделся в его сторбленную фигуру. Выглядел паренёк лет на пятнадцать, то есть на пару лет постарше моего нового телесного обиталища. Он обладал запоминающейся внешностью – рыжий, худой, с веснушчатым лицом. Только я не понял, на черта он здесь спал, вроде бы вчера я засыпал в одиночестве? Надо бы аккуратно, в моём случае немногословно, прояснить этот вопрос. А то, знаете ли, с трудом удаётся понимать местный кривичский диалект старославянского языка. Вдобавок меня так и подмывает сказануть что-нибудь этакое, на современном мне русском, что для слуха местных обитателей звучит как нечто тарабарское и непонятное. Вот и вчера мне приходилось натуральным образом «фильтровать базар», подстраиваясь под местную «мову», запоминая новые слова, фразеологизмы и обороты речи.

Ситуацию вживления в личину реципиента облегчали два обстоятельства. Во-первых, раньше Владимир Изяславич – именно так зовут княжича, куда меня забросила нелёгкая, сильно заикался. В момент первого «пробуждения», когда я здесь неожиданно очнулся, мне об этой особенности княжича ничего не было известно. Поэтому, пребывая в полушоковом состоянии, я сразу начал чисто, но маловразумительно говорить с окружающими, отвечая на обрушившийся на меня поток вопросов. Они беспрестанно сыпались от суетящихся у моего ложа лекарки, князевых людей, от самого князя, участливо и весьма озабоченно взирающих на происходящее. В разговоре с ними сразу стал придерживаться простой легенды – дескать, ничего не помню кроме отдельных слов, да еще в моей голове появились какие-то новые слова, которых никто здесь и не слыхивал. Пришел княжеский, а заодно и мой духовник. В незнакомых словах он опознал неправильно произносимые, исковерканные мной слова из болгарского, латинского, греческого, польского и немецких языков. Я от этого безапелляционного заявления ученого священнослужителя лишь облегченно перевел дух, пусть будет так! Как говорится, хоть чугунком меня называйте, только в печь не ставьте!

Лишь под вечер отец княжича Изяслав Мстиславич, успокоительно глядя меня по голове, сообщил, что хоть сын и обеспамятовал, но нет, дескать, худа без добра – перестал заикаться. В тот момент, уже окончательно разобравшись, где и в ком я нахожусь, мог лишь молча про себя зло сплунуть. Сейчас бы мне этот изъян княжича пригодился, до момента, пока бы я в достаточной мере не пополнил свой словарный запас.

А выяснить из ведшихся вокруг разговоров, пусть даже и будучи по большей части в роле пассивного слушателя, мне удалось вот что. Оказывается, княжич, то бишь я, вместе с некоторыми другими членами княжеской семьи серьёзно болел какой-то заразной болезнью, обрушившейся на Смоленские и Новгородские земли. Судя по редким оспинам, оставшимся на теле, похоже на оспу.

И вот сейчас, глядя на проворно одевающегося Тырия, я решил не тратить время в пустых рефлексиях и самобичеваниях. Пока нет взрослых, надо пользоваться моментом, побольше разговаривать с приставленными ко мне «дворскими», или «дворянами», по-разному их здесь называли.

– Эй, – прохрипел я своим ломающимся голосом, – ты чего тут делаешь?

– Сызнова опамятовал! – испуганно всплеснул руками мой незванный сосед по комнате. – Это же я, Тырий, твой спальник!

– Да помню я! Только не пойму, что – тебе больше спать негде, кроме как в моих покоях?

– А где же еще мне почивать прикажешь?! Я, да Корыть, да Верулав – все твои спальни, спим поочереды с тобой.

Как-то двусмысленно прозвучало. Одно радует, что хоть не в Древнюю Грецию забросило, там гомосетины сплошь и рядом хватало, один Александр Македонский со своими воеводами-любовниками чего стоит!

– А девок почему среди спальников нет! – я шуточно возмутился, от чего Корыть тихо хрюкнул, боясь громко засмеяться.

– Дык отец твой, наш князь Изяслав Мстиславич, такого не позволит тебе, ублюдков-то с девицами приживать, – и, чуть задумавшись, дополнил: – Да и мал ты есчо, до четырнадцатилетия тебе еще год остался! На днях, когда ты, Владимир Изяславич, болезный в горячке был, тебе токмо тринадцать лет сполнилось.

Понятно, значит, здесь что-то вроде совершеннолетия в четырнадцать лет наступает, это, откровенно говоря, радует. Меньше всего я себя ощущаю и желаю оставаться сопливым подростком, когда над страной сгущаются грозовые тучи: во вчерашнем разговоре с духовником мне удалось установить точный год от Рождества Христова – тысяча двести тридцать третий! Это значит, что до монгольского нашествия на Русь оставалось меньше пяти лет! Но эти годы еще надо суметь прожить, а значит, следует вживаться в новый образ. Кажется, из уст спальника прозвучало что-то про ублюдков, надо бы прояснить...

– А ублюдки кто такие?

– Ну как же? – удивился Тырий. – Дети незаконнорожденные или от рабынь – рабиничи. Вот, к примеру, твой меченоши Вертак и Вториж, спальник Корыть – все как есмь ублюдки и рабиничи! Но лучше их так не называть, обижаются.

– А ты, Тырий, случаем, не ублюдок? – подавляя смех, спросил я, не в силах скрыть улыбку. Ну смешно мне, когда люди сами себя всерьез считают ублюдками.

– Не-а! Я своего отца знал, десятником у нашего князя Изяслава Мстиславича был, пока ноньча от морового поветрия не сгинул! – Тырий подозрительно шмыгнул носом. – Но ты, княжич, этого всего верно не помнишь? – с толикой надежды в голосе на мое выздоровление спросил Тырий.

– Забыл я обо всем этом!

– Так слушай! – оживился спальник. – У меня есчо и брат есть, на год тебя младше. Как подрастет, тоже в гридни пойдет! Мечом деревянным машет – только свист стоит, не хуже тебя, Изяславич!

Ага, подумал я, слушая Тырия, взхлѐб повествующего о своей семье. Тот еще из меня мечевик выйдет! Никогда и никаким холодным оружием, кроме кухонного ножа, я не владел. Да и нож использовал лишь по прямому предназначению и не более того. Разве что, может, какая-нибудь телесная память осталась? Чего гадать, скоро все само собой выяснится! И словно в подтверждение моих мыслей, неожиданно прозвучало:

– Ты сегодня, княжич, никак лучше себя чувствуешь?! – и, не дав мне слова вымолвить, Тырий продолжил: – Давай тогда одеваться будем, Изяслав Мстиславич уже вставши!

Прозвучало так уверенно, что и язык не поворачивался как-то возражать и отказываться. Вот я и насимулировался! Придѣтся вставать и будь что будет, решил я про себя, решительно вскакивая с лавки. Тырий выглянул за дверь, и в комнате сразу нарисовалась еще парочка спальников. Видать, под дверью, подлецы, караулили!

Минут за десять общими усилиями меня умыли и облачили в дорогие, попугайской расцветки одежды. Кафтан был ниже колена малинового цвета, его воротники, рукава и подол были наведены золотом. Подпоясался золотым ремнем, натянули на ноги востроносые кожаные сапоги зелёного цвета, а на голову – синюю шапку с красными наушниками. В таком наряде сразу почувствовал себя каким-то скоморохом.

Вышли из комнаты. Встречная дворня при моем появлении замирала и склоняла головы в поклонах. Пара босяков, лет десяти-одиннадцати, возящихся у печки, вовремя не среагировала на княжича подобающим образом, за что тут же получили затрещины от сопровождающих меня дворян. Раскланивались со мной не только челядь, но и встречные дружинники, бросая в мою сторону оценивающие взгляды. Дескать, в своём ли уме княжич прибывает или того... свихнулся в конце. Видать, приключившаяся со мной амнезия ни для кого не была секретом.

Так, шествуя по коридорам и переходам, мы набрели на князя, являющегося по совместительству еще и отцом княжича Владимира Изяславича. Одет он был так же безвкусно, как и я. Щеголял князь в зелёном кафтане, а сверх него было надето синее корзно с красным подбоем, застегнутое на правом плече, подпоясан золотым поясом с четырьмя концами. Свитские при виде князя разом склонили головы, я, чуть подумав, тоже последовал их примеру, слегка качнув головой.

– Ну как, сыне, – Изяслав Мстиславич, тряся длиннющими усами, свешивающимися ниже подбородка, приобнял меня своими лапищами за плечи, – поздорову ли тебе?

– Телесно вроде здоров, но память так и не вернулась, ничего не помню!

Изяслав Мстиславич тяжело вздохнул.

– Ладно, сыне, иди кушай, а потом ступай к своему дядьке-пестуну – Перемоге. Займёшься с ним ратным учением. Вот, глядишь, так понемногу и обростешь новой памятью, какие твои годы! Там тебе и забывать-то было особо нечего!

– Слушаюсь, отец! – В мыслях я возблагодарил всех святых за здравомыслящего родителя, попавшегося на моём новом жизненном пути.

– После Перемоги зайдёшь к нашему духовнику – отцу Варламию. Он тебя не токмо духовно окормлял, но и учил грамоте и цифири. Не вспомнишь – заново учить зачнёт, я уже распорядился. Ныне же вечером по случаю твоего выздоровления устроим пир! А теперь ступай.

Мы вместе с дворянами еще раз поклонились и пошли завтракать. А я перевёл дух. По крайней мере, Изяслав Мстиславич признаёт меня за сына, на костре сжигать вроде тоже не собираются. Значит, можно жить!

Долгими зимними вечерами Изяслав Мстиславич часто уединялся со своими соратниками – некоторыми воеводами, дружинниками и ближними боярами. Обсуждал князь со своими помощниками все мелочи предстоящего трудного дела – возвращения смоленского стола. Одни советники предлагали князю не спешить, подождать, другие побуждали его действовать немедленно.

– Княже, дружина брата твоего от мора сильно истаяла, треть уж в земле лежит, а еще столько ж болящих! – убедительно доказывал князю недавно приехавший из Смоленска его доверенный боярин Дмитрий Ходыкин.

Дмитрий мало походил на классический образчик боярина – хоть он и обладал высоким ростом, но был весьма тощ. Голова была не выбритая, а именно что лысая, хотя Дмитрию было тридцать пять лет. От ведшегося с князем разговора он излишне горячился, а потому принялся расстёгивать полы своей куньей шубы, хотя в нетопленной комнатенке было довольно прохладно.

– Откуда знаешь? – обычно невозмутимое лицо князя, с бросающимися в глаза длинными висячими усами, слегка напряглось.

– Бояре, что сейчас в городе сидят, но по-прежнему верные тебе, доносят.

– Хм... – Изяслав Мстиславич с металлическим шелестом поднялся и подошел к слюдяному оконцу, впереv в него задумчивый, невидящий взгляд. Металлический шум издавали ламеллярная кольчуга с позолоченными пластинами (наплечники и нарамники) и крупной

позолоченной бляхой, похожей на умбон щита, что красовалась на груди. Князь лично выезжал за город, встречать боярина, прискакавшего с важными вестями.

– Выступать надоть, смоленский люд тя поддержит. Особливо купцы, полочане очень уж их торговлишку придушили, как только их князь, а твой брат, на двух столах сел.

Изяслав Мстиславич продолжал безмолвствовать, попрежнему смотря задумчиво в оконце.

– Ступай, боярин, отдохни, завтрава продолжим...

Выпроводив боярина Ходыкина, Изяслав Мстиславич приказал гридням, сторожащим у дверей, вызвать к себе Перемогу. Прежде чем принимать какие-то серьезные решения, князю хотелось узнать, что называется, из первых рук, как там себя чувствует его наследник.

– Что нового скажешь, друже мой Перемога? Как там Владимир, лучше ему не стало? – князь сразу, без всяких предисловий, обратился к расположившемуся на лавке пестуну своего сына.

– На поправку идет княже. Только он каким-то после болезни сердитым стал, неразговорчивым, больше двух-трех слов и не молвит.

– А, – махнул князь рукой, – тринадцать лет исполнилось, детские забавы уж не к лицу ему. Эта болезнь княжичу еще и на пользу пошла! Слава богу, что от заикания излечился! А то какой с него князь был бы – слова на людях молвить не мог. Слава тебе, Господи! – Изяслав Мстиславич встал и перекрестился на икону, Перемога все в точности повторил за своим князем.

Смоленский князь в изгнании Изяслав Мстиславич уже заметил, что его сын после перенесенной болезни сильно изменился, но старался не заострять на этом обстоятельстве внимание своей дружины, мало ли что в их дурные головы придет. Князь знал на своем богатом жизненном опыте, что если у кого память отшибло, то такой человек сразу во всем меняется, ведь он, по сути, заново жить начинает. Но для Изяслава Мстиславича самое важное было в том, что его единственный наследник все-таки выжил, в отличие от не перенесших мор жены и дочери. А вразумить заново его еще успеется, ведь ему даже четырнадцати лет не исполнилось. За год, дай бог, его сынок заново во всем освоится, а может, и память вернется.

С прискакавшим в городок Зарой смоленским боярином и своими ближниками Изяслав Мстиславич продолжил разговор на следующий день сразу после обеда, на пока еще трезвую голову.

– С дружиной выступим через пару-тройку седмиц, а то как бы самим этот проклятуций мор не подхватить. Успеется! После сильных морозов моры обычно прекращаются. – Князь с тяжким вздохом продолжил: – Как раз через восемь дней справим здесь, в Зарое, сорокадневную тризну по моим покойным женушке и дочери, унесла их эта моровая язва, а уж потом я вплотную займусь своим братом-аспидом!

– Как повелишь, княже! – воевода княжей дружины Злыдарь лишь покорно склонил голову. Его посеребрённый чешуйчатый панцирь еле уловимым перезвоном стальных пластин поддержал своего владельца.

У меня был послеобеденный отдых. Поупражнявшись вместе с приставленным ко мне дядькой-пестуном на мечях и сулицах (коротких копьях), я ушел к себе в комнату покомарить. Но сон не шел, я все время размышлял о судьбе-злодейке, забросившей меня в подростковое тело смоленского княжича. Последнее, что я запомнил из некогда прожитой мною жизни в личности Михаила Николаевича Комова, мужчины шестидесяти шести лет, жившего в начале XXI века, было воспоминание о так называемой «тихой охоте». Я спокойно собирал в лесу грибы, причем грибы самые обыкновенные, галлюциногенными никогда не баловался, и на этом всё! Дальше, что называется, память стерта. Следующее воспоминание, как мне неопределен-

ного возраста травницы протирают едко пахнувшими тряпками лицо, что-то при этом приговаривая на малопонятном языке. Это воспоминание длилось всего несколько секунд. Вполне осмысленно я в себя пришел лишь на следующие сутки.

В результате ли переноса сознания или по какой еще неизвестной причине, моя память обострилась до крайности. Все то, что я, будучи Комовым, когда-либо видел, слышал, читал, сейчас мог при желании довольно ясно вспомнить. Достаточно лишь было сосредоточиться – и из ее глубин услужливо всплывала вся имевшаяся в ее недрах информация по заинтересовавшему меня вопросу или какой-либо иной проблеме. В этом свете меня занимал вопрос, как обострившуюся или проявившуюся память правильно называть: фотографической или абсолютной? Что ни говори, а бонус полезный подкинула судьба или высшие силы, переместившие мой разум в пространстве и времени.

От самого княжича, что продемонстрировали недавние занятия с Перемогой, мне досталась в наследство, не оставив и следа каких-либо личных воспоминаний, только мышечная память. Что тоже не мало, и за это отдельное спасибо, уж не знаю кому! Как накануне выяснилось, я могу без труда держаться в седле, стрелять из лука, махать мечом и тому подобное. Раньше Михаил Николаевич Комов, военный инженер-строитель, успевший в девяностые поработать на химпроизводстве, а в нулевые заняться собственным строительным бизнесом, вышеназванными способностями ни разу не обладал.

Таким образом, ситуация разрешилась для моей новой тушки вполне благополучно. Насколько я мог судить, Изяслав Мстиславич был счастлив, главное, что его сын все-таки выжил, а память – дело наживное, тем более в столь юные годы. Пестуном у меня был самый доверенный княжий человек – Перемога Услядович, верно прошедший вместе с князем через многие его жизненные перипетии. В его обязанности вменялось не только продолжение уже ранее начатого обучения княжича мастерству сечевого боя, верховой езды и другим воинским наукам, но и самим князем были поставлены и новые, дополнительные задачи – научить сына заново правильно разговаривать, подобающе князьему роду себя вести.

Мудрое решение Изяслава Мстиславича начать заново воспитание и образование сына меня устраивало на все сто! Что ни говори, а у зашуганных челядинов, даже при всём на то желании, вряд ли чему-то путевому научишься, патриций плебею, как и гусь свинье, не товарищ!

Я понимал, что и в разговорах мне по-прежнему надо быть крайне осторожным, незачем лишний раз палиться по поводу и без. Если потеря памяти для местных вещь хоть и редкая, но в принципе возможная, то взявшиеся из ниоткуда знания вполне могут посчитать происками нечистого. Поэтому лучше быть заторможенным «скудословцем», про которых говорят «из него слова щипцами не вытащишь», чем разговорчивым краснобаем в закрытом монастыре. По крайней мере, я для себя решил придерживаться подобной тактики, пока окончательно со всеми и во всём не разберусь.

Еще очень тревожило время, в которое меня занесло. Подумать только, 1233 год! Уже через несколько лет, если не ввали в будущем историки, в декабре 1237 года на Русь должны обрушиться монголо-татарские орды. Спасти Русь от татар, в плюс к правильно организованному и многочисленному войску, могло лишь огнестрельное оружие. Во всяком случае, иного выхода я не видел. Это значит – надо создавать ВПК, реорганизовывать дружину и ополчение, но сейчас начинать дергаться по этим вопросам тоже не дело, так как пока я ноль без палочки. Да и Изяслав Мстиславич, скрываясь от своего брата – полоцкого князя Святослава, захватившего минувшим летом Смоленск, тоже сейчас подрастерял все свое влияние и вес.

Мои раздумья прервал осторожный стук в дверь.

– Княжич! – в дверном проеме нарисовалась усатая физиономия Перемоги.

Ну у них тут и имена, в который уже раз подумалось мне, стоило лишь окинуть мысленным взором свой круг общения. Что уж тут говорить про других, ведь, как оказалось, у меня-

то самого тоже «рыльце в пушку»! Мое христианское имя, данное, как не сложно догадаться, при крещении, вовсе и не Владимир, а Михаил. А причиной подобных глупостей и неразберих было отсутствие в византийских церковных святцах имен славянского происхождения, зато греческих, латинских и еврейских до фига и больше. Для полного счастья человеку помимо крестильного и мирского (славянского имя, а также кличка с прозвищем) давалось еще и третье, секретное «молитвенное имя», о котором не знал никто, зачастую и сами владельцы забывали свои молитвенные имена, как в моем случае. Но все это делалось, оказывается, не просто так! Как мне наемни растолковали, вся эта хренотень с именами спасала от сглаза и иных «магических» воздействий. Лично мне на весь этот «именной винегрет» было плевать, я уже начал привыкать к имени Владимир. Подумать только, даже внутреннее отторжение вызывало, когда ко мне отец Варлаамий обращался, называя Михаилом! Но пока на такое обращение вслух высказать священнику «фи» я не решался.

Остальной же народ, с кем я уже успел перезнакомиться, по этому поводу не заморачивался, проявляя чудеса демократизма. Кто-то предпочитал именовать себя на христианский манер, кто-то на славянский, многие вообще были счастливы, обходясь прозвищами собственного происхождения или родовыми. Короче говоря, в этом вопросе, в том числе и среди князей, какого-либо единообразия не было.

Сегодня же, на пятый день моего пребывания в этом мире-времени, мне предстояло при помощи бывшего дьякона дворцовой церкви и по совместительству княжеского духовника, отца Варлаамия, «вспомнить» грамоту и цифирь, что ранее святым отцом усердно преподавалась княжичу. Вот я потопал вслед за Перемогой в поисках знаний, главное, старые не забыть, новые, чувствую, мне особого интеллектуального прироста не сулят.

У нашего общего с Изяславом Мстиславичем духовника в дворцовой церкви я застал нескольких молящихся. Они, не замечая никого вокруг, усердно кланялись, крестясь на образа. Заприметив меня, попадья всплеснула руками.

– Княжич явился! Проходи, Владимир Изяславич, отец Варлаамий у себя в читальне, тебя поджидает!

Духовник сидел за столом у слюдяного оконца, внимательно читая какие-то пергаментные пожелтевшие листы. Зайдя внутрь, я уже привычными телодвижениями перекрестился на иконы, освещаемые мигающими восковыми свечами.

– Вот, батюшка, княжича к тебе привела, – попадья подтолкнула меня в спину.

– Здравствуй, честной отче!

– И тебе здравствовать, Михаил!

От упоминания своего крестильного имени я сморщился, а Варлаамий, не обращая на мое неудовольствие ни капли внимания, встал со скамьи и подошел ко мне, осматривая при этом с ног до головы.

– Вспомнилось ли тебе что-нибудь?

– Ухватки боевые, которым учил меня Перемога, вспомнил, так сказать, в процессе, может, и с грамотой так же выйдет...

– Говоришь, «в проце-ессе»... – растянул последнее слово Варлаамий, – я погляжу, ты и мои уроки не позабыл!

– К сожалению, честной отче, твоих уроков я не помню.

– Но ведь латинянок слово «processus» то есмь «продвижение» ты вспомнил?

– Действительно! – стукнул я себя по голове, коря про себя за свой язык без костей, который в очередной раз меня подвёл. – Это как-то само собой вырывается, на автомате.

– Вот опять! – изобличающе ткнул в мою сторону пальцем Варлаамий. – На автомате, – повторил он вслед за мной, на что я лишь пожал плечами.

Чуть подумав и насупившись, он грозно спросил:

– Помнишь ли ты, отрок, наш символ веры – молитву «Отче наш»?

Это как раз была единственная молитва, которую я знал еще по прежней жизни, причём в староцерковном исполнении. И здесь мне ее один раз слышать уже довелось, благодаря чему я сделал необходимые поправки в тот вариант, который был мне ранее известен. Поэтому прочёл молитву смело, с выражением.

Выслушав меня, Варлакий с неудовольствием сморщил лоб.

– Говор у тебя какой-то странный стал, такой бывает у чужеземцев, для коих славянский язык не родной. Не понятно, откуда ты только таких слов поднабрался, вроде схожих с лясскими, но я не уверен... Изяслав Мстиславич кивает на мою сторону, но я тебя такому не обучал, ибо сам западнославянские языки не шибко разумею. Да и слова греческие и латинские ты раньше сплошь и рядом не употреблял. Действительно у тебя что-то в голове перемешалось!

А Варлакий не прост! Все за мной подмечает, но вроде по этому поводу воду не мутит. Детектив грёбаный! С этим фруктом ухо надо держать востро. Я на этот спич ничего не ответил, лишь похлопал ресницами да пожал плечами. Ты жираф, тебе и видней, а я беспамятный, и точка!

Варлакий в бутылку тоже лезть не стал, но, чувствую, окажись я простым смертным, а не сыном князя, просто так от его подозрительности в свой адрес я не отделался бы.

Через пару минут как ни в чём не бывало он уже выкладывал перед моим носом пергаментные листы с малопонятными письменами.

– Чти! – повелел он мне.

– Пэ-мэ... эээ, – заблеял я, не в силах разобрать эту абракадабру, написанную смутно знакомыми буквами, да вдобавок без пробелов между слов.

Варлакий, услышав это, лишь махнул рукой, опять зарывшись в свои сундуки. Оттуда на свет Божий он извлек пару книг. Одна из них была на греческом языке – это было понятно по своеобразному написанию букв. Понятное дело, прочитать я ничего не смог. Следом мне была предъявлена еще одна книженция на латинском. В ней буквы были прописаны отдельно, с пробелами между словами. Я с лёгкостью прочитал про себя пару строк, но вслух, дабы не вызвать лишние подозрения, не произнёс ни слова, лишь бессильно развёл руками.

– Ох, грехи наши тяжкие! – искренне огорчился Варлакий. – Сызнова все придется учить!

Опять нырнув в свои сундуки, он выудил оттуда лист, на котором были написаны все буквы старославянского алфавита.

– Сия буквица есмь аз, повтори – А-а-а-з!

– Аз, – буркнул я, чувствуя себя полным придурком, но тем не менее, стараясь запомнить чудное, с завитушками написание этой буквы.

Здесь стоит сказать вот о чём. Память моей прежней ипостаси в лице Комова Михаила была для меня нынешнего абсолютно полностью доступна. Поднатужившись, я мог припомнить в малейших деталях даже школьные уроки начальной школы, ну и всю его/свою взрослую жизнь соответственно тоже. А вот новые знания, получаемые в теле княжича, частью запомнились, частью забывались – все как у обычного человека. Поэтому приходилось прилагать усилия, чтобы запомнить и усвоить новую информацию.

А Варлакий меж тем продолжал поучать.

– Изречено в заповедях Господних, данных Моисею: «Аз есмь Господь Бог твой». Повтори!

Я покорно повторил.

– За буквицей «аз» следует буквица «буки». Зри, как она начертана. В слове Бог первая буквица – «буки».

Таким макаром за пару часов мы изучили весь этот алфавит. Проблемы с запоминанием у меня возникли лишь с исчезнувшими из современного мне алфавита буквами – всякими «фитами», «ятами», «ижицами». Тем не менее через пару уроков я уже смог с лёгкостью читать

все предложенные Варламом тексты. Правда, с осмыслением прочитанного возникали проблемы, уж очень заковыристо и с непривычными оборотами речи все это писалось.

Освоить латинский язык тоже не составило особого труда. Через несколько уроков я вышел на тот начальный уровень, что раньше знал княжич. С греческим дело обстояло заметно хуже. В той жизни я с ним вообще не сталкивался, разве что с отдельными словами эллинского происхождения, ставшими в мое время интернациональными. Поэтому на прежний уровень княжича я смог выйти только через пару-тройку месяцев.

С исчислениями я вообще не дружил! Ну претило всему моему естеству использовать буквы вместо цифр. Из Византии пришли на Русь начатки математических знаний. Таблица умножения называлась «счет греческих купцов», а числа записывали на греческий манер, с помощью букв. Варламом, слава богу, имел представление об арабо-индийском исчислении, этой лазейкой я нагло и воспользовался, полностью отказавшись от старославянской записи цифр буквами, перейдя, при вялом неодобрении Варлама, исключительно на «басурманский счет».

Несколько позже в процессе учёбы выяснилось, что у моего учителя была весьма странная библиотека. Единственной книгой, содержащей естественно-научные знания, была книга Иоанна экзарха Болгарского «Шестоднев». Она содержала сведения по различным областям знаний: астрономии, астрологии, географии, ботанике, зоологии, анатомии и физиологии человека. Понятно, что многие знания в ней были ошибочными, поскольку базировались на трудах Аристотеля, Платона и Демокрита. Так же как в Греции, самым популярным чтением были жития святых – этой литературы у Варлама в частности и вообще в монастырях было более чем достаточно! Русь продолжала питаться греческой культурой, и монахи – главные проводники знаний – ездили учиться в Грецию. Какой-либо сугубо практической литературы, при прочтении которой можно найти богатое месторождение руды, выкопать шахту, построить завод, начать какое-либо производство, изготовить оборудование, или, как вариант, книги о ремёслах – ничего подобного здесь не было. Плюс к этому, совершенно недостаточно были развиты такие науки, как химия, математика, физика, астрономия. Эти упущения со временем следовало начинать исправлять.

На следующий день состоялся помин по случаю «сороковин» – сорок дней назад от морозного поветрия скончались мать, а за три дня до этого младшая сестра княжича. Я этих дам совершенно не знал, но на пиршестве, состоявшемся по этому поводу, пришлось держать подбающую случаю скорбную мину лица. Присутствовали все воеводы, бояре и простые дружинники, оставшиеся, несмотря ни на что, при князе, пусть даже и в изгнании. При помощи Перемоги и наущничающих дворян я с большинством из них был уже заочно знаком, с некоторыми даже за последние дни успел перезнакомиться по новой, лично.

На пир, что был уже в разгаре, меня привел Перемога. На это праздничное мероприятие я несколько припозднился, так как после выматывающей тренировки, устроенной мне моим же наставником, еле подволакивая от ломящей усталости ноги, я отправился в баню. О чём почти сразу же пожалел. Топилась банька по-черному, в помещении было темно и дымно, прямо до удушливости. Помывшись на скорую руку, или, лучше сказать, растерев грязь по телу, я при помощи вездесущих дворян облачился в предбаннике в одежды. На меня были натянуты льняные рубахи, портки, полушубок мехом внутрь, а поверх всего этого нацепили нарядный «скомороший» кафтан. На улице мороз пощипывал разгорячённое тело. Впотьмах подворья, тускло освещаемого факелами дежурных стражников, ежеминутно поторапливаемый Перемогой, по крутому крыльцу я поднялся на второй этаж терема, сразу оказавшись в гриднице, густо усеянной чревоугодничающим, пьющим и веселящимся народом.

Я устроился на лавке по правую руку от Изяслава Мстиславича, Перемога приземлился рядом со мной. Изяслав Мстиславич встал, произнёс короткую речь во здравие поправивше-

гося сына, разгорячённая публика в ответ шумно заголосила, опрокидывая в глотки содержимое своих кубков, и прерванное пиршество как ни в чем не бывало продолжилось с новой силой. На молодого княжича перестали обращать внимание, тем самым дав мне возможность не только насытиться вкуснейшей убоиной, источающей непередаваемые ароматы, но и внимательно приглядеться к собранному здесь самому цвету местного воинства – к дружине смоленского князя.

И здесь Перемога оказал мне помощь, заочно знакомя меня с дружинниками – многочисленными гриднями, детскими, отроками и редкими боярами князя. Абсолютное большинство бояр осталось в Смоленске, за Изяславом Мстиславичем в изгнание последовали лишь самые верные и преданные его сторонники.

Сожрав прям-таки со зверским аппетитом лебяжью лапку, шмат кабаньего окорока и подзаправившись пивом, Перемога принялся меня просвещать на предмет «ху из ху» из здесь присутствующих.

Относительно самого Перемоги Услядовича, своего воспитателя, я особо распространяться не буду. Для княжича он был подобно второму отцу, щедро одаривал его, а с недавних пор меня, всеми своими знаниями и умениями без всякой утайки. Как говорится, с таким человеком готов пойти в разведку!

– Главного воеводу нашего князя, Злыдаря, ты уже знаешь, – просвещал меня Перемога, нашёптывая в ухо.

«Да уж, наслышан!» – подумал про себя. Злыдарь – главный воевода княжеской дружины. Ему было около сорока лет. Это был приземистый коренастый человек с грубыми чертами лица. Его лицо отражало душу – хоть и грубую, но зато храбрую и прямую. Дружинники любили своего предводителя, потому что он был таким же простым рубакой, как и они сами.

Дождавшись от меня согласного кивка головой, Перемога продолжил шептать мне в ухо.

– Видишь вон того воя, со шрамом на ухе и золотой гривной на шее? – я перевёл взгляд на здоровенного бочкообразного мужика лет сорока. – Это Малыть – «правая рука» Злыдаря.

Сотник во многом был под стать своему командиру, но все эти черты в нём присутствовали в ретушированном виде.

– Рядом Анфим... – продолжал меня просвещать Перемога. – Флотоводец, кормчий, участвовал в сражениях на речной воде и в Варяжском море. Неизменный глава судовых ратей, буде такие князем собираются. – Мореман, одним словом, правда, со своей кровавой средневековой спецификой. Рядом с ним всегда тусуются его замы-подельники, отъявленные пираты. Осляд – дружинник «детский» князя, служил в купеческих «детях». И его старший двоюродный брат Вышата – дружинник «детский» князя, служил в купеческих «детях».

Братья, несмотря на свою пиратскую деятельность, показались мне людьми прямыми, без второго дна, но не в меру жестокими. Для них человека убить – что комара прихлопнуть.

Да и остальные десятники и большинство простых дружинников были еще теми отъявленными головорезами. Вообще, внутренние взаимоотношения в дружине имели специфику, более всего свойственную дореволюционным казакам. Взаимоуважение, субординация, готовность погибнуть за други своя, ну и тому подобное... Во взаимоотношениях между дружинниками, несмотря на довольно специфический контингент, не было фальши, жестокости, излишней дедовщины. Царили если не дружба, то приятельство и взаимовыручка. Вот такая получалась большая семья, в которой князь играл роль ее главы и непререкаемого авторитета. Воеводы же воспринимались рядовыми бойцами просто как атаманы и старшие товарищи – на поле боя им беспрекословно подчинялись, а в быту могли и поспорить и малость поругаться, но без фанатизма. Зарплата простого дружинника равнялась трём гривны серебра в год, плюс кормление за счёт князя.

– Боярина Дмитра, приехавшего из Смоленска, ты уже знаешь. Чутка поодаль сидит боярин Воибор Добрынич, видишь, как он шамкает челюстями? У него больше половины зубов выбито.

Дмитр был худее и выше Воибора. Очертания лиц бояр прятались в бородах.

Сидящий рядом боярин Жирослав Олексич выглядел весьма колоритно. Смуглолицый, с немного крючковатым носом, иссиня-черными волосами и бородой.

Рядом с ними восседал заройский наместник князя, именем Онфил – грузный мужчина с одутловатым лицом.

Фёдор – второй сотник, сидел с другого края стола. Ему было тридцать лет, он возглавлял отряд конных стрелков князя, будучи сам отменным лучником и наездником. Малк, десятник, имел весьма зловещую внешность из-за неправильно сросшихся шрамов на лице. Бронислав, десятник, обладатель длинных усов и ежика полностью седых волос на голове, хотя ему еще не было и тридцати лет. Аржанин – десятник. Его имя означало «ржавая солома». Это был крупногабаритный рыжеволосый детина. Правда, левая рука его была малоподвижна из-за разрубленных на ней сухожилий, но эта инвалидность вполне компенсировалась, как говорится, «одной правой».

К рядовым дружинникам я тоже стал присматриваться, их было около сотни. Стараясь при этом выявить наиболее терпеливых, смекалистых, способных в будущем взяться за обучение пехотинцев. На общем фоне выделялся Ключ – рядовой гридень, черноволосый парень лет двадцати с хорошо читаемыми следами интеллекта на лице.

Дело в том, что у меня в голове уже не первый день рождались, перемешиваясь в разнообразных построениях, греческие фаланги, римские легионы, колонны немецких кнехтов, щедро сдобренные английскими лучниками, гемузскими арбалетчиками и русскими стрельцами. Потому как нынешняя организация войск, их структура и вооружение были никак не способны ни быстро объединить Русь, ни в последующем противостоять монголам. В ближайшее время я подумывал взяться за изготовление немецкого воротного арбалета, прикидывая в уме, а потом и в чертежах, угольком на бересте, его устройство.

В гриднице, помимо всей этой военщины, присутствовали также и высокопоставленные княжьи слуги. Зуболом – придворный палач, оказался тучным человеком с густой бородой, торчащим брюхом и лысой башкой. Свое прозвище он заслужил по праву, так как являлся мастером заплечных дел. С особым усердием пытал и истязал языков, шпионов и всех тех, от кого, по приказу князя, нужно было добыть некие сведения.

Ключник княжеский Ждан – был пожилым, седоволосым мужчиной, почти не имел зубов, отчего речь его была шепелявой и невнятной. Писец княжий Федорко являл собой довольно тучного мужчину, недавно разменявшего полтинник, с подслеповатыми, постоянно прищуренными глазами. Хранитель княжеских печатей, а теперь еще и постельничий Михалко был ровесником Федорки, имел запавшие щёки и частично поседевшие волосы, приобретшие в результате неопределенный русо-серый цвет.

Не прошло и часа, как изрядно подвыпившая «гопкомпания», под маловразумительное тренькание и пение присутствующих здесь же гусяров, устроила танцы. Дружинники, повыскакивав с лавок, принялись акцентированно ударять ногами об пол, прихлопывать в ладоши, попутно подпевая гусярам – в общем, все те, кто видел передачу «играй, гармонь», поймут, смогут представить и по достоинству оценить разыгравшееся на моих глазах действо. Визжащие служанки-челядинки, пребывавшие в явном количественном дефиците по сравнению с мужским контингентом, пользовались повышенным спросом последних. Их облапывали, зацеловывали, пытались задирать юбки. Слава богу, до публичного совокупления прямо в пиршественном зале дело пока не доходило. Некоторые разнополые парочки удалялись с пира, под сальные шуточки остальных участников застолья.

Хоть из спиртного я и выпил только один бокал пива, но меня, несмотря на шум и гам вокруг, начало сильно клонить в сон. Заметив мое квёлое состояние, Перемога передал меня «из рук в руки» – под опеку моих дворян, все это время тусующихся в коридоре за дверьми. Дворяне, довольные оказанным им доверием, восприняли поручение Перемоги с энтузиазмом и торжественно сопроводили, а затем, предварительно раздев, спать уложили своего юного шефа.

Опять внезапно наступает утро... Опять меня аккуратно трясут за плечо... Опять, разлепив глаза, я наблюдаю опротивевшие рожи спальников. Прямо день сурка какой-то...

– Подымайсь, Владимир Изяславич! Петухи уже прокричали! – бодрым до изжоги голосом будит меня спальник Веруслав.

– Да плевать я на них хотел! – при этих словах я натягиваю одеяло на голову.

– Чего, княжич? – вопрошает второй голос, похожий на голос Корытя.

Всего спальников у меня три человека: Корыть, мой ровесник, Тырий – старше меня на два года и боярич Веруслав, старше меня на год. Помимо спальников в штате моих дворян состояли три меченоши: Вертак, младше меня на год, Вториж, старше на два года, и боярич Нерад – мой ровесник, а также трое конюших – ровесник Усташ и два боярича – Лют и Борислав, старше меня на год и на два соответственно.

– Зачем так рано вставать, темень еще! – сон у меня стремительно проходит, но выползть из теплой постели нет никакого желания.

– На то и зима нам дана! Холодно, тёмно... – глубокомысленно отозвался заглянувший в комнату Нерад.

– Да вы, я посмотрю, прям философы!

– Кто это?

– Дед Пихто!

– Не слышал о таком. – Нерад обернулся к Корытю. – А ты знаешь этого деда?

– Тьфу ты, – вставая я, скинул с себя одеяло. – С вами и пошутить нельзя. Давайте побыстрому облачайте меня, иначе я окочурюсь.

– Счас, княжич, счас! – засуетились мои няньки.

Скинув длиннополую ночную рубаху, я стал при помощи дворян переодеваться в местный костюм.

На гульбище², выходящее во двор, накинув на плечи теплый кафтан с позументами, вышел Изяслав Мстиславич. Любил он иногда понаблюдать со стороны за тренировками своих воев. Но сейчас его интересовал его собственный сын, день ото дня все больше отходящий от болезни – приходящий в себя, восстанавливающий память и воинские навыки.

Сначала князь выхватил взглядом мощную фигуру наставника, возвышающегося среди своих учеников, а затем глаз князя быстро выцепил из толпы собственного сына, выделяющегося на фоне дворских своими богатыми одеяниями.

Перемога в данный момент учил княжича стрельбе из лука. Лук княжича специально был сделан для подростка – внешне почти неотличим от взрослого, но не такой тугой. Изгибы лучины лука с внешней стороны усиливались сухожилиями, а с внутренней – роговыми пластинами, прикрепленными к лучине прочным рыбным клеем. Рукоять лука и его концы имели костяные накладки. На концах они были с отверстиями, куда крепилась тугая тетива. На стрелы были насажены трехгранные железные наконечники, тыльные концы стрел оканчивались двумя коротко, наискось обрезанными соколиными перьями.

---

² Гульбище – аналог балкона.

Княжич брал стрелы из покрытого бархатом колчана и пускал их в обведенный угольком кружок на доске, прислоненной к забору в тридцати шагах. Княжич старательно целился, но в доску в пределах круга впились пока лишь всего две стрелы, остальные в круг не попадали. Но и этот результат был просто отличным, если сравнивать с показателями недельной давности, когда княжича пришлось, по сути, заново учить стрелять из лука. Тогда дядька Перемога сильно разозлился, показывая княжичу, как надо держать правильно лук и целиться. В тот день князь не выдержал и сам подошел к сыну, взял у него лук и стал показывать, как класть стрелу, тянуть тетиву. Объяснял, что надо прикрывать левый глаз, а правым надо сразу вместе увидеть перо стрелы, жало наконечника и тот кружок на доске, а затем, не виляя луком поднять его с наложенной стрелой немного кверху. Ведь стрела летит не прямо, а падает по дуге. До доски тут шагов тридцать, значит, лук надо поднять самую малость, а если будет сто шагов, то больше. Если сбоку ветер дует, то лук надо повернуть немного к ветру. И только выполнив все эти нехитрые правила, можно пускать стрелу в полет. После подробных отцовых объяснений княжич с ходу поразил мишень, чем очень порадовал отца!

Князь с любовью смотрел на своего наследника, сказал сам себе чуть слышно, но горделиво:

– Надежда моя! Вот только какое наследие я ему оставляю? Зарой, Смоленск, а может... Киев?!

Его мысли вновь вернулись к нелегким думам о своем княжестве, ныне отторженном от него его же собственным родным братом Святославом Полоцким. Он вспомнил, в каком отчаянно тревожном и горестном смятении вернулся осенью из Смоленска – взбунтовавшегося, а затем и охваченного мором города. Его тогда одолевали и поныне одолевают тяжкие думы. Сколько бессонных ночей Изяслав Мстиславич провел за последние месяцы в этих тяжелых раздумьях! А теперь на горизонте опять замаячил Смоленск, медленно, но верно выскальзывающий из цепких рук Святослава.

– Скоро уж все и решится! – произнес вслух князь. – Нет, нипочем не устоять Святославу Полоцкому!

Увидев подходившего боярина Дмитра Ходыкина, Изяслав Мстиславич тихо произнес с заговорщицким видом:

– Ну как, боярин, готов? Скакать тебе надобно завтра же, не мешкая.

– Как есть готов, княже!

Изяслав Мстиславич дал последние наставления боярину и отпустил его.

– Все сполню, княже, – покорно, с поклоном уходя, попрощался Дмитр.

Изяслав Мстиславич проводил взглядом уходившего боярина. Князь собирался отплатить брату той же монетой: при помощи несших убытки смоленских бояр и купцов подбить смоленский люд на открытой бунт против полоцкого захватчика.

Вернувшись в горницу, князь завалился спать. А сразу при пробуждении гаркнул на детского из сторожевого отряда, охраняющего княжеские покои:

– Владимира Изяславича ко мне вызови!

День сурка продолжался, следуя своему привычному графику. Легкий завтрак, тренировки до изнеможения, послеобеденная сиеста. Не успел я задремать, как был бесцеремонно разбужен княжеским дружинником. В неизменном сопровождении пары дворян я поплелся к Изяславу Мстиславичу.

Князь завел привычку регулярно просвещать своего обеспамятевшего сына относительно военно-политического расклада сил на Руси, о родственных связях между князьями и многим другом. Тринадцатилетний княжич, несмотря на потерю памяти, становился, по мнению Изяслава Мстиславича, день ото дня все более разумным, иногда Изяславу даже казалось, что не с дитем он разговаривает, а с взрослым мужем. Учитывая все эти изменения, князь сде-

лал вывод, что, сообразуясь со словами местной лекарки, болезнь в мозгах княжича выплывила из них всю детскость раньше положенного срока. Что, в общем-то, не плохо, учитывая, что ближайшие родичи сыну спокойно княжить в Смоленске не дадут.

– ...поэтому, сыне, через пару недель так вдарим по твоему стрью³, что навеки дорогу в наш град забудет, – задумчиво поглядывая на сына, вещал ему Изяслав Мстиславич.

– Неужели, отец, у тебя в Смоленске нет верных людей, чтобы в Святослава Полоцкого стрелу из-за угла пустить. Не станет его, так Смоленск к нам сам как перезревшее яблоко в руки упадет, – спросил я у князя.

– Не вздумай об этом никому говорить и даже думать забудь об этаким злодеянии! – Изяслав Мстиславич воровато оглянулся по сторонам. – За столь подлое братоубийство ты и весь твой род навеки изгоями станут. Да сами горожане тебя за такие дела выгонят, а на Руси тебя ни один князь не примет. Думаю, что и немецкие крули подле себя такого Каина тоже держать не станут, а значит, две дороги у тебя будет – в монастырь, грехи замаливать, или к немцам наемником, скрывая всю жизнь свое княжье происхождение. Даже если кто, не дай бог, – Изяслав Мстиславич перекрестился на икону, – и лишит тебя отчего княжества, никогда не опускайся до братоубийства. Всегда сможешь себе найти другое княжение, на крайнем случае в кормление какой-никакой город враги изгнавшего тебя князя всегда дадут. Тот же Новгород чуть ли не каждый год князей у себя тасует.

Слушая эти откровения, я лишь скептически про себя хмыкал, думая об излишней порядочности Изяслава Мстиславича, вспоминая при этом слова «победителей не судят».

– Кроме того, помни, что и рода мы не захудалого, а, пожалуй что, самого завидного на всей Руси. Пращур всех смоленских князей Ростислав Мстиславич – внук самого Владимира Мономаха, сын великого князя киевского Мстислава. Бабка Ростислава – принцесса Гида, дочь английского короля Гарольда II Годвинсона. А мать – принцесса Христина, дочь шведского короля Инге Стенкильсана.

– Батюшка, напомни мне, моя мать откуда родом?

– Матушка твоя усопшая – двуродная племянница хана Котяна. Тоже, случись что, хан может нам посодествовать, чем помочь, – покрутив свой длинный ус, Изяслав Мстиславич добавил: – Пусть земля ей пухом, – Изяслав Мстиславич перекрестился на висящую в углу икону, я продублировал это действие.

Знакомый персонаж, хан Котян, подумалось мне. Помнится, перед битвой на Калке он умолял русских князей помочь отбиться от появившихся из-за Кавказских гор монголов. Из-за несогласованных действий князей и союзников-половцев все это дело закончилось разгромом русских ратей. А хан, сука, в самом начале битвы сбежал, внося дезинтеграцию в и без того неорганизованные действия русских войск.

Тут я обратил внимание на свою внешность, некоторые из историков считали самих половцев монголоидным народом, но ничего подобного в своей физиономии я не обнаруживал. Перед мысленным образом не раз виденного мной отражения в оловянном зеркале предстало лицо славянского, европейского типа, с серыми глазами и темно-русыми волосами. Из дальнейших расспросов Изяслава Мстиславича на эту этнографическую тему я выяснил, что половцы – это конгломерат степных народов, главным образом индоевропейского происхождения, с тюркскими, венгерскими и кавказскими элементами. Это все объясняло и взаимную неприязнь двух народов – половецкого и монгольского, – и в данном конкретном случае мою совсем не восточноазиатскую наружность.

– Половцам у тебя веры быть не должно, – продолжал разглагольствовать Изяслав Мстиславич, поучая сына. – Они трусливы и продажны. Много зла они чинят русским землям, в

³ Стрый – родной дядя, брат отца.

том числе и далекому от степей Смоленску. Семь десятков лет тому назад явились копчёные под стены Смоленска и увели тьму⁴ народа!

Изяслав Мстиславич, с грустью вздохнув, тихо проговорил:

– Давай, сыне, всех наших родных помянём, – и налил во второй стакан бордового цвета мутноватую жидкость, – выпей со мной фряжского винца.

Приходилось мне где-то читать или слышать, что византийцы делали свои вина с использованием свинцовой посуды, а также в само вино свинец добавляли для придания вину то ли пикантности вкуса, то ли для лучшего хранения – не суть важно. Поэтому я сразу же после того, как очнулся в XIII веке, от импортных напитков решил наотрез отказаться. Помирать от отравления лет в тридцать-сорок или сойти с ума, типа Ивана Грозного, совсем не хотелось, а потому пришлось проигнорировать предложение Изяслава Мстиславича.

Тут я спросил отца, думая при этом, как бы вывести его из себя, чтобы он, наконец, перестал уговаривать выпить с ним свинцового вина.

– А ведь те же Владимир Мономах или Ярослав Мудрый, когда всю Русь к своим рукам прибрали, тоже много Рюриковой крови пролили?

– Молчи? остолоп! – Изяслав Мстиславич моментально взъярился. – То совсем другое, когда князья ратятся, то в сшибке могут случайно погибнуть, и то намеренно князей не убивают, а стараются их полонить. Выкинь из своих дурных мозгов эти глупости, решил, дурень, с Мономахом да Ярославом равняться...

– Да я к слову...

– Кому сказано молчать? – Изяслав Мстиславич за словом в карман не полез и вlepил мне увесистого леща. – По княжескому уговору, какие б злодеяния князь ни совершал, но он не может быть умышленно лишен жизни. Если кто умыслит князя убить, то весь род того выродка уничтожат. В бою, на поединке – другое дело, но не по-воровски исподтишка. Уяснил, дурная голова?

– Да, батюшка. Предок всех смоленских князей Ростислав Мстиславич, я так понял, приходится тебе дедом?

– Не дедом, а прадедом! – вздохнул с грустью Изяслав Мстиславич. – Моим дедом является его сын Роман Ростиславич, а мой отец – Мстислав Романович, звавшийся Старым, был великим князем Киевским, пока не погиб в битве на Калке от басурман татарских.

Только теперь я смог полностью выстроить свое генеалогическое древо. Про Мстислава Старого, который оказался моим дедом, и о битве с монголами на Калке я ранее многое читал, осталось лишь восстановить прочитанное в памяти.

– Ладно, – разочарованно махнул рукой Изяслав Мстиславич, – иди, гуляй по своим делам.

Приглаживая взъерошенные волосы на затылке, я скоро удалился из палаты.

Покинув новоявленного «политрука» в лице Изяслава Мстиславича, я быстрым шагом вышел на дворню, хотел было прогуляться по Зарюю, но был тут же завернут домой появившимся откуда ни возьмись Перемогой. Свои действия пестун мотивировал тем, что никак не мочно княжичу по городку передвигаться пешкодралом, да еще и в столь простецком домашнем платье.

– Если хошь, княжич, прогуляться, то пожалуйста, *но* верхом на коне и в добром наряде, иначе никак, ты уж прости.

– Да я хотел только за ворота хором выйти, постоять, посмотреть...

– Так что, – продолжал настаивать Перемога, – прикажешь переодеться и коня седлать?

– К батюшкиным гридням сходить можно?

---

⁴ Тьма – десять тысяч.

– Они вчера что-то всю ночь праздновали, сейчас, наверное, только просыпаться начали, нехай тебе у них делать.

Мне осталось лишь обреченно махнуть рукой:

– Ну, тогда я к себе пойду, подремлю! – И направился в выделенную мне комнатенку, из-за плохого освещения больше похожую на чулан.

– Правильно, княжич, а как проснешься, перед ужином опять с тобой поупражняемся, – довольно шурысь, заключил Перемога.

«А сам, как пить дать, сейчас же к дружинникам попрется, байки с ними травить и пивком их запивать!» – подумал я, растягиваясь на своем топчане.

Ну и черт с ней, с этой дружиной, я на этих бандитского вида бухающих субъектов и так уж насмотрелся. Нет, они все, конечно, люди преданные «трону», если можно так сказать, но уж больно, мягко говоря, лихие. Кроме как о насыщении чрева, рубки и половых сношениях больше ни о чем не думают, во всяком случае, большая их часть. Из интеллектуально-возвышенных мыслей присутствует лишь желание «срубить бабла», получить от князя в кормление или в вотчину деревеньку и, как следствие, превратиться из гридня в боярина, то есть перейти из Младшей дружины в Старшую.

А вот у меня, в отличие от дружинников Изяслава Мстиславича, в мыслях крутились вещи совсем иного порядка. В своей прошлой ипостаси я длительное время занимался строительным бизнесом, правда в Тульской области, и буквально наизусть знал местонахождения и глубины залегания тульских полезных ископаемых, причем далеко не только строительных материалов. Тульская область по размерам и разнообразию природных ресурсов по праву была самой богатой областью Центральной России. Смоленская область по сравнению с ней и рядом не стояла. Те же самые столь необходимые железные руды в Смоленской области, в отличие от Тульской, представлены только низкокачественными болотно-озёрными и луговыми рудами. Столь богатые тульские земли сейчас целиком входят в состав Черниговского княжества, а значит, смоленскому князю будут недоступны, по крайней мере, водораздел рек Ока и Упа черниговцы без боя точно не отдадут. Для моих стратегических планов ресурсный голод наследуемого мною княжества – это очень существенный минус.

Из плюсов можно назвать выгодное экономико-географическое положение Смоленского княжества. Это обстоятельство способствовало развитию транзитной торговли, а следовательно, и высоким доходам от нее княжьей казны (с транзитных купцов взимали «поминки»). По княжеству протекал не только Днепр (местные называли его «Непррека») – главная водная артерия пути «из варяг в греки», но, что не менее важно, Смоленщина сосредоточила на своей территории множество волоков, соединявших Днепр с Ильмень-озером, Западной Двиной, Волгой и Окой (через реку Угра). Земли в среднем течении Москвы-реки были утеряны еще в начале этого века, они вошли в состав Владимирского княжества.

Неспешный поток мыслей княжича прервал стук в дверь.

– Входи! – крикнул я. В проходе тут же нарисовался Вертак. Хоть он и был на пару лет младше, но тем не менее занимал при княжиче должность меченоши. Вслед за ним в комнату проскользнул спальник – пятнадцатилетний Тырий.

Как я уже успел для себя выяснить, княжья дружина состояла из трех частей: бояр, гридей, или старшая дружина, и дворян (другие названия «отроки», «детские», «кмети»), или младшая дружина.

Дворяне в данный исторический период на Смоленщине – это собственная прислуга князя, состоящая по большей части из воинов. Детские (производное от слова детинец) – это слуги вольнонаемные, а отроки – холопы. Младшая дружина, дворян и прочая челядь – вроде тиунов – постоянно были при князе, в его доме, дворце, сопровождали его в походах. Они несли дворцовую службу, воевали, судили, скакали гонцами в чужие земли, сопровождали посольства, объезжали далекие погосты за податями, закалывали из-за угла княжеских сопер-

ников, заковывали их в цепи, присутствовали на поединках, организовывали псовую и соколиную охоту, вели учет княжескому хозяйству и многое другое. В мирное время им всем находилось дело в обширном княжестве, где государственное переплеталось с лично княжеским, домениальным, а во время войны они уже могли составить основное ядро княжеской рати, конницу «молоди».

Дворяне разделялись на «старших» и «младших». «Старшие дворяне» – это взрослая прислуга князя. А «младшие дворяне» – это несовершеннолетние, прислуживающие княжичу-наследнику. «Младшие дворяне», занимающие должности при княжиче, были лицами вольными, и они являлись либо официальными, либо внебрачными детьми дружинников (гридей и бояр) князя Изяслава Мстиславича.

Кроме меченошей и спальников, название которых указывает на их факультативный род занятий (главное – это воины), к Владимиру были приставлены и другие недоросли вроде «конюших» и «стольников». Причем на каждой из этих должностей – меченош, конюших и так далее – состояло на службе при княжиче сразу несколько подростков.

Часть женатых дружинников забрала с собой в изгнание свои семьи – жен и детей. Сыновья дружинников при князем дворе проходили воинское обучение коллективно, под постоянным и строгим надзором гридей, старших дружинников. Лучшие мечники учили их бою клинковым оружием, лучшие меткие лучники – бить врага стрелами, умелые наездники – укрощать коней и вести схватку верхом, используя копыя и сулицы, опытные дозорные – особенностям сторожевой и разведывательной службы, умению выслеживать и преследовать врага, искусные кормчие – прокладывать путь ладьи по речным фарватерам и волокам, озерным и морским просторам, мимо опасных порогов, скал и мелей.

Большая часть моих малолетних дворян как раз и были официально признанными сыновьями или бастардами тех самых дружинников, состоящих при князе.

За размышлениями незаметно для себя уснул. Не знаю, сколько продолжался сон, но вот закрипела дверь, и в проеме нарисовались парочка моих дворян. Оба вошедших поклонились. Тырий тут же принялся молча поправлять и сбивать перину, а Вертак меж тем затараторил:

– Тебя, княжич, во дворе Перемога дожидается, уже начал наших учить. А Борислав Вторижу знатно так руку мечом засушил, может даже и кость сломал! – разливался соловьем, докладывая последние дворовые новости, меченоша. – Так потом его подручный Перемоги так славно обругал, знаешь, какие я новые слова услышал...

Индивидуальное мастерство подросших витязей оттачивалось во время воинских игр или «игрушек», некоего аналога западноевропейских рыцарских турниров. Состязания русских воинов были менее формализованы, чем рыцарские забавы, не имели службы герольдов, специального турнирного оружия и доспехов. Участвовавшие в «игрушках» воины использовали боевое оружие, однако старались действовать им не в полную силу, что, впрочем, не избавляло от несчастных случаев.

Во время обучения и воспитания будущего воина формировался набор нравственных качеств: преданность князю и его родне, личное достоинство, стремление к славе и страх позора за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Слава или бесчестие, прежде всего коллективное, были главным страхом в жизни каждого воина – князя, воеводы, витязя-богатыря, простого дружинника или дворянина. Героические деяния и подвиги запечатлевались в дружинном, а порой и народном фольклоре, сохраняясь в людской памяти спустя многие столетия после своего свершения. С принятием христианства нравственные представления воинов дополнились осознанием жертвенности их предназначения: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

– Тырей! – я остановил лившийся словесный поток одним словом. – Беги к Перемоге, а потом к конюшим, хочу по городку верхом прогуляться, пока не стемнело.

– А как же занятия на мечех? – встрял Вертак.

– Закрыл пасть! – рывкнул я на Вертака и тут же вызверился на Тырия: – Чего застыл? Бегом исполнять!

Оба тут же исчезли. Старик Комов, имевший богатый жизненный опыт, в отличие от молодого Рюриковича, небезосновательно считал, что слуг надо держать в ежовых рукавицах, а потому время от времени устраивал им подобные взбучки. В дверях через полминуты появился еще один спальник, именем Корыть, и осторожно спросил:

– Княжич, давай помогу облачиться к выезду?

Я важно кивнул головой и расставил руки в стороны. Корыть и подоспевший к нему на помощь последний, третий спальник Верулав, сын боярина Давыда, выслужившегося из простого гридня, принялись расторопно, но одновременно со всем тщанием переодевать своего господина.

На меня надели мой «любимый» красный кафтан, немногим ниже колен, от чего я сам себе показался похожим на стрельцов эпохи Ивана Грозного. На голову напялили высокую зеленую шапку, с красными наушниками. Не забыли навесить золотой пояс и инкрустированный драгмаками меч. «Ну, чисто клоун!» – мягко говоря, не слишком высоко оценивал я свой выездной костюм, стоящий по здешним меркам целое состояние.

Насколько я понял, время от времени мне дозволялось нарушать заведенный распорядок, приказывать что-то княжичу Перемога не мог, лишь исполнял волю князя. Поэтому запретить выезжать из этой временной княжеской резиденции княжичу Владимиру мог только его отец, но он на редкие проказы сына, иногда отлынивающего от занятий, смотрел сквозь пальцы, что меня очень даже устраивало!

Конюшие Борислав и Лют подвели оседланного коня и, «припахав» заодно и Усташа, помогли мне вставить ногу в стремя и вскочить в седло. В это самое время на крыльце нарисовался Перемога с самым суровым видом. Пришлось притормозить и еще некоторое время объясняться с ним. Своим распоряжением наставник усилил наш конный отряд целым десятком гридней, вооруженных мечами, щитами и луками с тулами, полными стрел. Дворовые охотничьи собаки, радостно и нетерпеливо взвизгивая, крутились под копытами коней. Охотничьи отряды, иногда во главе с князем, выезжали на промысел лесного зверя практически ежедневно, иначе было бы сильно накладно кормить сотню здоровых мужиков вместе с тремя десятками прочей дворни и челяди. Псари громко закричали, успокаивая и разгоняя собак. Ворота распахнулись, и под свист, гиканье и улюлюканье не совсем трезвого десятника Твердилы, вскоре подхваченное всем отрядом, мы выехали на заснеженную улицу.

Приграничный городок Зарой (и вся его ближайшая волостная округа) входил в число домениальных (личных) владений великих смоленских князей. Но здесь и сейчас Изяслав Мстиславич был вынужден квартировать вместе с дружиной не по своей воле, а вынужденно. Сюда он сбежал вследствие захвата Святославовыми полочанами Смоленска и обрушившегося вслед за этим на столицу страшного мора. Здесь князь провел всю зиму, и пока что, слава богу, рука полоцкого узурпатора досюда еще не дотянулась.

Зарой был небольшим городком – немногим больше двух сотен домов, окаймленных земляным валом с деревянным частоколом. Княжий детинец окружали мощные дубовые стены, выполненные в виде срубов и заполненные землей. Около речной пристани на реке Ипатье располагались местный рынок и купеческие склады. Зимой подобные Зарою городки у меня ничего помимо мрачного уныния не вызывали, жизнь здесь, казалось, впадала в зимнюю спячку.

Местные жители с интересом поглядывали в сторону богато разодетой конной кавалькады, при этом продолжая заниматься своими немудреными делами. Мужики снимали шапки и кланялись только в непосредственной близости от конного отряда. Разместившаяся на набережной рыночная площадь, по причине надвигающейся ночи, уже полностью обезлюдела, тор-

говые ряды неспешно заносил влажный февральский снег. Лязгая железными засовами, купеческие холопы закрывали на ночь хозяйские торговые лавки и амбары. Купцы посматривали на это дело со стороны, подгоняя окриком работников, выдавая время от времени «ценные указания».

Стремительно темнело. По посадку мела поземка, разгоняя и поднимая вверх хлопья свежевывающего снега. На обратном пути, при въезде в городские ворота я заметил у одной избы столпившихся и внимательно, с живым интересом, наблюдавших за нами ребятишек восьми – девяти лет. «Вот как раз для них у меня одно дельце найдется, – осенило меня внезапно пришедшей в голову мыслью. – Самому заняться этим – засмеют, дворянам если прикажешь – обидятся, а для этих чумазных малышей в самый раз, да еще и подзаработают!»

– Эй, хлопцы, – я приглашающе махнул рукой, – живо ко мне!

Пяток чумазных оборванцев, заинтригованных вниманием к их скромным персонам самого княжича, опасливо подошли к моему коню. Достав из кармана сверток, я соскочил с коня. Подойдя к оторопевшим пацанятам, медленно развернул платочек и показал выпучившей глаза ребятне его содержимое.

– Что это за белый порошок у тебя, княжич? – тут как тут за спиной встал озадаченный происходящим Твердила, обдавший меня волной перегара. Впрочем, не он один, недоуменными выглядела вся свита княжича.

– Это вещество, Твердила, называется китайский снег, или селитра. Оно мне надо будет для одного дела, так как хорошо горит.

– Хм... – только и смог произнести десятник.

– Ну, так что, хлопцы, хотите подзаработать?

Дети неуверенно кивнули головами.

– Вот такой нарост, – из кармана я достал и развернул еще один сверток, поднеся его вплотную к слушателям, – образуется на стенках нужников и в скотницах. Так вот, его надо оттуда соскоблить и принести мне. Куплю у вас его по цене десять ногат за пуд, – не долго думая, я установил расценки на до того неведомый всем товар.

– Поэтому наказываю вам, – продолжал я говорить, – все нужники людские и скотские в городке обшарьте, собирайте селитры и через пять дней всё, что найдете, мне принесите, я куплю. Всё, исполняйте поручение! – последние слова я произнес, вскакивая при помощи самого расторопного конюшего Усташа на своего коня.

– А откель ты этот порошок с наростами взял, княжич? – десятник догнал меня на коне и при этом подозрительно так уставился, глядя прямо в глаза.

– На конюшне нашей нашел, – соврал я, не моргнув глазом. Хотя на самом деле, был грех, с людского нужника белые кристаллы срезал.

– Ты говоришь, огонь хочешь от этого порошка разжигать, а зачем тебе это надо, Изяславич? – продолжал допрос Твердислав.

– Думаю, – на миг я сделал вид, что задумался, – что для ратных дел может селитра сгодиться, к примеру, вражьи лодии поджигать иль города на копье брать. Над этим стоит подумать, а там видно будет!

Десятник замолчал, но продолжал поглядывать на меня весьма скептически.

«Как пить дать князю доложит!» – подумал я, оценив кидаемые на меня взгляды.

Тем временем, пребывая в задумчивости, вся кавалькада подъехала к княжьему подворью. Воротная стража князя, наблюдавшая за приближением княжича, еще издали с надсадным скрипом открыла перед наследником ворота.

Не дожидаясь остальных, соскочив с коня, я поднялся по крутой лестнице и направился в свою часть хором. Хотелось переодеться и отправиться ужинать. Однако толком даже не успел помыться, так как в комнату приперся боярин Воибор; слегка склонив в поклоне голову, он прошамкал своим беззубым ртом:

– Княжич, батюшка князь тебя к себе зовет.

«Твердила уже успел князю стукануть!» – я сразу понял причину отцовского интереса к своей персоне.

– Пошли, боярин, – я понуро потащился за разодетым в бобровую шубу боярином.

В пути задавался вопросом: почему я все-таки решился так поспешить, рискуя выставить себя не в лучшем свете? И ответ был – до пришествия монголов оставалось всего несколько лет. Поэтому если сейчас не организовать производство селитры, которая зреет в буртах не меньше двух-трех лет, то потом окажется поздно, и купить селитру вряд ли где получится – ее азиатские природные месторождения уже сейчас частично под монголами. В Европе же ситуация с селитрой не лучше, чем на Руси, хотя вру, там, в гористых районах, должно быть много пещер с естественными отложениями данного вещества.

Не прошло и минуты, как я оказался в уже знакомой просторной светлице, что занимал Изяслав Мстиславич. Хоть и называлась это комната светлицей, но, на мой взгляд, была она не такая уж и светлая. Маленькие, заставленные цветными непрозрачными стеклами оконца плохо пропускали дневной свет.

При появлении наследника Изяслав Мстиславич озадаченно уставился на него.

– Садись, – князь указал на стоящую вдоль стены широкую лавку. Изяслав Мстиславич после известия, сообщенного ему Твердиславом, думал лишь об одном, уж не сошел ли его сын с ума.

Я покорно и беззвучно приземлился на указанное место.

– Это какое, сыне, баловство ты вздумал с говном учинять? – испуганно округлив глаза, спросил Изяслав Мстиславич.

– Этот порошок, – я показал захваченную с собой селитру, – образуется около компостных ям, скотных дворов и людских нужников. Вот с этим порошком я хочу опыты поставить...

– Да рассказал мне уже Твердислав, но что-то мне не верится, что эта дрянь навозная гореть будет.

С этими словами Изяслав Мстиславич выхватил из моих рук платок с селитрой и сыпал ее в первую попавшуюся глиняную посудину. Поднес горящую лучину, и тут же яркая вспышка осветило лицо князя, правда, только на доли секунды, тут же погаснув. Князь был приятно удивлен, скорее не тем, что порошок загорелся, а из-за того, что его сын все-таки в юродство не впал. Действительно, этот белый порошок прекрасно горел, во что Изяслав Мстиславич еще минуту назад не верил. Чуть успокоившись от увиденного файер-шоу, он сказал:

– Горит-то твой «навозный снег» хорошо, – вот так легкой руки (или языка?) Изяслава Мстиславича селитра переименовалась в «навозный снег», – да только быстро очень! Им и запалить ничего не успеешь, так что, сыне, зряшная эта твоя выдумка.

Почувявший перемену в настроении отца, словно акула в океане, взявшая кровавый след, я принялся дожимать князя:

– Дозволь мне, отец, в кузне трубу железную заказать, а потом ты увидишь, что я с этим порошком измыслил сделать! Скажу тебе по секрету, должна очень полезная вещь для ратных дел из моей задумки выйти.

– Порох, говоришь, что сие слово означает?

Я тут же прикусил язык, понимая, что сболтнул лишнее, однако быстро выкрутился.

– Порох стены крепостные разрушает, а я думаю, что мой порох еще лучше стены рушить сможет.

– Как же это? – удивленно наморщил лоб князь.

– Ежели много бочек с... навозным снегом, как ты его обозвал, батюшка, прикопать ночью, например, под крепостной стеной, а потом его с расстояния зажечь, то порошок взорвется! И стену любой крепостицы разрушит, сделает пролом, а в него уж ратники войдут, да и те же ворота можно взрывом выбить.

– Не верится мне в твою придумку, – упорствуя, не сдавался князь, – что из нее что-то путное выйдет. Уже люд насмешил, только еще раз насмешишь, и вся недолго...

– Поверь мне, отец, я предлагаю вещь стоящую. Как только мне кузнец выкует железную трубку, покажу тебе, как из нее пулять буду.

– Чем пулять? – не понял Изяслав Мстиславич.

«Блин, опять засада, что ему ответить, пулями? Так слова такого в этом времени я еще не слышал!»

– Свинцовыми шариками, они мягкие, железный ствол не повредят, а назвать их можно пулями, от слова «пулять», – в очередной раз нашелся я с ответом.

– Сыне, скажи мне, в последнее время головка твоя не болит, вроде на поправку пошел, память возвращаться начала, а сейчас опять с тобой что-то непонятное! Откуда у тебя только подобная бурда в голове завелась!

«Может, поначалу у него мозги оплавилась, а теперь уж и киснуть начали», – с жалостью подумалось Изяславу Мстиславичу, подобного творчества от сына он уж никак не ожидал.

– Даже если с твоих выдумок толк какой и будет, то это все одно не княжье дело! Подобными размыслами заниматься должны кузнецы иль еще какие смерды, – по лицу князя промелькнула тень едва сдерживаемого гнева.

– Так я самолично эти порошки приготавливать не буду, смердов для этого найму, – оправдывался я как мог, при этом лихорадочно размышляя, как убедить князя в своей правоте.

– Порошки? – Изяслав Мстиславич вперил в сына подозрительный взгляд. – Почему во многом числе говоришь, ответствуй мне!

– Я думаю, что если к навозному снегу прибавить еще чутка серы и угля, то такой порох сильней выйдет.

– Уголь ладно, но сера мне что-то не нравится, может, без нее обойдешься? – вкрадчиво так спросил и буквально впился в меня глазами.

Эх, как бы такими темпами меня не обвинили в дьявольских происках!

– Мыслью я, что без серы взрыва сильного не получится, – посмотрел прямо в глаза князю, стараясь придать своему лицу уверенность и открытость, располагающие собеседника к доверию.

– Ах-х... – протяжно вздохнул Изяслав Мстиславич, обдумывая сложившуюся ситуацию. Вроде сын на сумасшедшего не похож, а то уж он за него перепугался! – Ладноть, балуйся со своим порохом, но только чтобы рядом всегда были ведра с водой, а то как бы чего не спалил!

– Спасибо, отец! – искренне обрадовался я. – Ты бы мне под это дело кун немного отсыпал...

– Ступай к ключнику, сколько тебе треба – возьми.

После ухода Владимира Изяслав Мстиславич разочарованно покачал головой. Вроде сын у него не по годам взрослый, а детство все еще за портки тянет, только игры у княжича какие-то странные... Ну да чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не болело.

Утром я проснулся ни свет ни заря! Наконец-то хоть что-то начало меняться, сдвигаться с мертвой точки. Это сразу придало мне сил и изрядно добавило трудового энтузиазма. Руки прям так и чесались! Натянув по-быстрому верхнюю одежду и взяв из комнатного сундука часть полученной от ключника наличности, я, крадучись, стараясь не разбудить дрыхнувших спальников, вышел в коридор.

Слышны были дальние разговоры в гриднице, ведшиеся сильно заплетающимися от выпитого языками. Я расслышал отдельные обрывки фраз: «военный поход», «полочане», «Святослав». Прислушаться к разговору мне не дала проходящая мимо служанка, тихо поздравившаяся и при этом кинувшая на меня любопытный взгляд.

На дворе было еще темно. В стороне, ближе к амбарам грузно, неподвижно висело смерзшееся белье, покрытое льдом. Сенная девка с трудом отлепляла его от веревки и передавала в

задубевшие от холода руки маленькой девчушки. Совершив традиционный утренний моцион, я поспешил вернуться в терем.

Перед началом трудового дня требовалось подкрепиться, поэтому я возвратился в гридницу. Разговоры там сильно подвыпившей компанией во главе с князем по-прежнему велись о войне. Поздоровавшись с князем и другими присутствующими там лицами, я выцелил на столе еще не съеденные куски вареного мяса и немедленно приступил к трапезе. Сбившиеся по группам воеводы, дружинники и бояре громко разговаривали, не обращая на меня внимания. Это мне было только на руку, так как никто не отвлекал своими пустопорожними разговорами от процесса приема пищи, а также от обдумывания ситуации с получением серы.

По-быстрому подкрепившись, поспешил направиться к себе, но был перехвачен одним из своих дворян.

– Здрав будь, княжич! – до раздражения громким голосом отрапортовал пятнадцатилетний Вториж. Затем приблизился ко мне ближе и замер в стойке смиренно:

– Княжич! Разреши доложить?!

Слушал я своего оруженосца, а у самого душа радовалась. В последние дни я старательно отучал свое ближайшее окружение от пустого трепа, прививая в свой дворянский коллектив зачатки армейской дисциплины. Приучал их к простой мысли: хочешь мне что-то сказать – приди и четко доложи, какая у тебе образовалась потребность в княжиче. С чего-то ведь надо начинать свое прогрессорство?

Просто из всей этой детскости я своим взрослым разумом уже давно вырос. Всякие наивные подростковые забавы меня коробили, напрягали и были просто неинтересны. Моих же дворян новая форма общения со сверстником, но старшим по положению ничуть не унижала и не вызывала никаких недовольств. В этом мире не было даже такого понятия, как равноправие, и, соответственно, не могло быть и обид. Сильное изменение моего поведения воспринималось ими вполне естественно, тем более что все мы вступали в половозрелый возраст.

Делая вид, что внимательно слушаю доклад, откровенно говоря, больше похожий на сборник теремных сплетен, я все время мысленно прикидывал, где мне раздобыть серу. Но вначале надо было приодеться для выезда в город.

В одежды облачался уже при активной помощи набежавших в комнату дворян. Это сибаритство с моей стороны было вынужденным, плохо я еще разбирался в местной моде, потому приходилось в этом деле полагаться на своих приближенных.

Мое одевание происходило без лишнего шума, четко и слаженно. Еще с первых дней моего здесь пребывания, стараясь обходиться без резких загибов, я начал дрессировать, если можно применить такое слово, своих дворян и прочих челядинцев. Действуя исподволь и постепенно, но в то же время твердо и бесцеремонно, я устанавливал и внедрял новые требования и форматы межличностного общения. Поэтому сейчас дворяне-оруженосцы напоминали мне курсантов школьных военных училищ. Со мной общались как со старшим по званию товарищем. Но и никакого запанибратства я в наших отношениях не подпускал, четко держал со всеми дистанцию. В общем, я стремился к созданию атмосферы кадетско-суворовского училища, где в свободное время занимайся чем хочешь, но к старшим по званию, если они того не желают, не лезь! Если старший о чем-то попросил – будь любезен исполнить. Нет ни очень жесткой дисциплины, но нет и вседозволенности. Такая разумная «военная демократия» получалась.

Вышколенные, адаптировавшиеся к новым требованиям своего шефа дворяне вывалились вместе со мной во двор, однако послушно держались на некотором отдалении от моей персоны. Рядом с амбарами я обнаружил Перемогу, активно разминающегося с мечом. Этот бугай ни на какие новые веяния вообще не обращал внимания. Все мои попытки объяснить, что полководцу вовсе ни к чему быть знатным рубакой и стоило бы снизить интенсивность тренировок, им полностью игнорировались. Я только и слышал в ответ:

– Если хошь, то с Изяславом Мстиславичем об этом разговаривай, не докучай мне, княжич, своим пустомолвием! Лучше крепче рукоять меча сжимай!

Вспомнив последний наш с ним разговор на эту тему, понутив голову, я поплелся к своему воспитателю, предстояла очередная утренняя тренировка...

Вырваться к кузнецу удалось только после обеда. Знающие люди мне посоветовали одного умелого заройского кузнеца. Им оказался крупный мужчина лет тридцати, открытые участки тела которого были покрыты черными пятнышками от искр, рассыпающихся при ковке.

Заказал ему сделать трубку из хорошего железа, запаянную с одного конца и с маленькой дырочкой для запального фитиля там же. Пока не до изысков, главное сам принцип стрельбы Изяславу Мстиславичу показать, чтобы он добро дал селитряницы завести.

– Свинец продам и ольхового угля нажгу, княжич, – отвечал мне кузнец, – а вот серы у меня нетути! Правда, у домников, что болотные руды в крицы переплавляют да нам, кузнецам, потом продают, сера, может быть, и есть. Сходить тебе к домникам надоть.

– Ты что мелешь, смерд, хошь без главы пустой остаться? Княжич сказал принести – значит, доставай где хошь! – обрушился на мигом испугавшегося кузнеца конюший.

– Успокойся, Усташ... – я примиряюще хлопнул его по плечу и снова обратился к собеседнику: – Кузнец, ты сам с домниками-поставщиками своими договорись, если у них сера есть, я куплю, а если нет, то пусть для меня выплавят, не меньше чем полгоршка. Насчет оплаты не переживай, куны за работу и ты и домники получают.

– А как плавить, ты, княжич, сам-то ведаешь? Я-то с энтим делом не сталкивался...

«Это что? Он меня проверяет? Хотя технологию, пусть самую примитивную, выплавки серы, наверное, должны и сейчас знать. Используют вроде как ныне серу для медицинских целей, или я ошибаюсь?»

– Да я тебя... – не дав кузнецу договорить, опять влез Усташ, вероятно, обеспокоенный поруганием княжей чести.

– Усташ, ты дашь мне наконец спокойно поговорить с уважаемым человеком? – я строго посмотрел на ближника.

– Это ты про этого вонючего смерда... – начал было конюший, но тут же прикусил язык.

– Да! – перебил я Усташа. – Про него родимого, не будь кузнецов, так мы с тобою против супостатов с палками воевали бы. Так что подумай и помолчи!

Тирада княжича кузнецу пришлась по вкусу, даже обгоревшая борода от улыбки вздрогнула.

– Когда домушники... тьфу ты, – поправился я, слегка запинаясь в новой для меня терминологии, – домники руду плавят, то дух серный от нее исходит?

– Ага, бывает, – кузнец согласно кивнул головой.

– В глиняный горшок сложить самую дурно пахнущую руду, внизу горшка пробить дырку, горшок поджечь да прикопать его землей. От нагрева сера будет не в дым уходить, а плавиться и вытекать через ту дырку, а под нее надо подставить еще один горшок. Понятно?

Недолго думая я выдал самый примитивный рецепт получения серы.

– Вроде да, скажу домникам, что княжичу нужна сера, а если ее у них не будет, то обскажу, как ее приготовить по твоей задумке.

– Молодца, действуй, Маня! – я при помощи конюшего Люта, державшего стремя, заскочил на коня. Развеселился от удачного разговора с кузнецом, да так, что скакать в прямом смысле этого слова захотелось! Потому, оказавшись в седле, закричал:

– Галопом, за мной!

И тут же мигом все всадники понеслись вскачь, разбрасывая из-под копыт коней снег в разные стороны. На всю эту картину кузнец глядел слегка обалдевшим взглядом. Никогда ни

ему, ни его знакомым не приходилось иметь дело с таким простым и учтивым в разговоре с черным людом князем или боярином. Да вдобавок еще эти княжьи знания о кузнечных и плавильщицких премудростях, да в столь юном возрасте – уму непостижимо! Кузнец, пребывая в великой задумчивости, почесал затылок, опомнился и помчался исполнять волю княжича.

Вернулись мы поздно, уже в непроглядной темени. Подворье освещали редкие факелы да один разожжённый костер для согрева караульных. Позевывая, они кучковались вокруг огня, протягивая к нему замерзшие руки. Тишину нарушали тихие разговоры ночной стражи у костра да редкие перелаивания дворовых собак.

По скрипучим ступенькам мы всей гурьбой поднялись по крыльцу в сени. В хоромах тоже все затихло и погрузилось в дремоту, нарушаемую лишь храпом. Темно было, хоть глаза выколи. Верулав метнулся к печи, вытащив пучок лучин, он поджег их от углей, краснеющих на загнетке. Словно Прометей, освещая нам путь, он повел нас в наши комнаты. По пути мои дворяне в основном рассосались по своим закуткам, где они, собственно говоря, и квартировали. В мои покои со мной прошел только один из моих ночных стражей, в лице Коряты. Лучину спальник воткнул в стоящий на столе клювик светца. Под этим скудным освещением Коряты, несмотря на мои вялые протесты, помог мне раздеться. Затем я обессиленно рухнул на свои полаты, закутавшись в меха. В хоромах было довольно прохладно. Коряты тоже, постариковски кряхтя, устраивался спать на соседней лавке. Закончился очередной день.

Через четыре дня мальчишки притащили мне полпуда селитры, еще через три дня кузнец на санях привез прямо к хоромам князя ствол, несколько раз переделанный по настоятельным пожеланиям клиента, а также целый горшок серы, бочонок угля и полкило откалиброванных свинцовых пуль с дробью. Теперь мне предстояло «поразить», в переносном смысле, выстрелом из пищали князя.

Всего-то делов: ствол уложить на деревянное ложе, плюс сошки с фитилем раздобыть – и пищаль готова! С составом пороха мудрить не пришлось, классический состав дымного пороха я помнил прекрасно: 75 % калиевой селитры, 15 % угля, 10 % серы.

А вот с самой селитрой пришлось повозиться, при помощи все тех же мальчишек, так как добытая ими селитра была не калиевой, а кальциевой, которая обладает меньшей мощностью и излишне гигроскопична. Пришлось ее переваривать с золой, чтобы заменить в селитре кальций на калий. А получившееся тесто при помощи сита зернить, прокручивать селитряные зерна в барабанах. Благо что той селитры было с гулькин нос. Сегодня результаты коллективного труда предстояло продемонстрировать самому главному судье – Изяславу Мстиславичу.

Испытания огнестрельного «оружия» проводили за городом. Большой кавалькадой, состоящей из ближников князя и двух десятков конных гридней, мы выехали на облитую солнцем поляну.

– Сыне, ты точно уверен, может, дружинников убрать, а то осрамишься, – спрашивал встревоженный князь, смотря на то, как Перемога устанавливает железную трубу на вкопанные в землю двузубые вилы.

– Все будет в порядке! – уверенно произнес я, хотя сам нервничал не меньше князя. Несмотря на то что вчерашние испытания прошли нормально, но мало ли... ведь не зря существует поговорка «и на старуху бывает проруха».

В десяти метрах установили деревянный щит, а за ним старые доспехи, предназначенные для переплавки. Перемога не спеша прицелился, так, как я его учил. Самому мне, по понятным причинам, стрелять не рекомендовалось – отдача замучает, все-таки телу княжича всего тринадцать лет.

Раздался выстрел, от которого Перемогу заметно качнуло, а обе мишени с громким лязгом рухнули на землю. Густой белый дым частично скрыл из поля зрения ухмыляющуюся от хорошо проделанной работы морду Перемоги. А вся публика от только что увиденного и услышанного дружно ахнула, кони дернулись и, вторя своим хозяевам, заржали. И только легкий ветерок, закручивая, уносил облако серого дыма прямо в небо.

Но уже через мгновение от дружинников, быстро пришедших в себя, послышались многочисленные возгласы удивления. Самые быстрые и любопытные, по хрустящему снегу подбежав к мишеням, стали засовывать пальцы в пробитый щит, а на проделанном пулей выходном отверстии доспеха, к всеобщему изумлению, даже кулак свободно помещался.

Князь слез с коня и стал ковыряться мечом в доспехах, безрезультатно ища прошедшую навывлет пулю. Жирослав стоял рядом и очумело рассматривал осыпавшие доспех опилки из пробитой доски, имитирующей щит. Злыдарь попрежнему молча восседал на коне, но его и так грубое лицо, казалось, окончательно окаменело. Мальть тоже, не слезая с коня, не отрываясь, смотрел на продырявленные доспехи, а его щеки заливала какая-то нездоровая бледность.

– Хм... лепо, – проговорил озадаченный князь, рассматривая дыру в брони, – действительно, куда как лучше стрелы бьет!

– Ей-ей, колдовство сотворили! – перекрестившись, ляпнул какой-то дружинник, и некоторые его коллеги своими возгласами его поддержали.

– Ты думай, о чем мычишь! – грубо одернул его Злыдарь. – В монастырь попадешь – там будешь о колдовстве талдычить да ладаном дымить!

– Не богохульствуйте! – смирил разгоравшийся конфликт Анфим, навряд ли сам во что-то верящий.

Когда все немного успокоились и отошли от увиденного и услышанного, начался более конструктивный разговор.

– Князь-батюшка, не то что стрелы, копьём, на всем скаку так прошить доспех далеко не каждый твой дружинник сможет! – подал голос «правая рука» воеводы, сотник Мальть.

– Чую я, много кровушки железка эта попьет, – тихо проговорил восседающий на коне рядом с Мальтью десятник Аржанин. – Хорошо бы не русской... – чуть слышно закончил он.

– А ты что думаешь, Злыдарь? – обратился князь к своему дружинному воеводе. – Сгодится на что придумка ента, как ее... пищаль? – с явной гордостью за сына спросил князь своего главного воеводу.

– Ну, что ж, – солидно начал воевода, – для ополчения али обороны в крепостях пищаль княжича сгодится, а для дружинников она ни к чему, пока ты ея полдня заряжать будешь, не успеешь оглянуться, как голову с плеч снесут! Да и тяжкая она очень, вот ежели бы полегче была, то любо было бы с десятка шагов вражину в доспешном облачении с коня свалить, а далее уж по привычке действовать – сулицей да мечом.

– Одна такая пуля может даже двух доспешных за раз завалить, – донесся до княжьих ушей возглас кого-то из дружинников, плотной толпой скопившихся возле поверженных лат.

– Не ожидал, сыне, молодец, – наконец князь обратил внимание на скромно восседавшего на коне подле него сына, – насчет ополчения не знаю, а вот крепостицы, правильно Злыдарь сказал, оснастим, сынок, твоей пищалью. Добрая помощь сидящим в обороне выйдет.

– Как далеко она у тебя бьет? – уточнил князь у сына.

– Прицельно, в ростовую мишень, шагов на пятьдесят, а далее уж можно попасть только по большим скоплениям противника.

– Ничего, и то хлеб, теперь я посмотрю, как они будут, укрывшись щитами, брать мои города... – со злой улыбкой и с явными нотками торжества в голосе во всеуслышание проговорил князь, отчего вызвал в дружине ликование и громкий, слегка нервический смех.

– Только, батюшка, – проговорил я, опомнившись от недавней минуты славы, – все это дело надо засекретить, особенно состав пороха, а то и у наших врагов похожие пицали могут появиться!

– Твоя правда, – согласился князь, – дай бог, Смоленск у стряпа твоего заберем, а там уж я выделю тебе верных людишек для выделки пороха.

При этих словах я во второй раз за сегодняшнее утро поздравил сам себя с хорошо проделанной работой.

– Напомни, сыне, что ты там говорил про обрушение крепостных стен...

Окружающие князя воеводы, сотники и десятники мигом замолчали, заинтересовавшись темой.

– Сделать подкоп под стену или башню, заложить побольше пороха да подорвать, – заявил я как о само собой разумеющемся деле.

– Ха! Всего-то и делов! – обрадовался князь, уже мысленно примеривая на себя роль своего любимого предка-полководца Святослава, покорившего множество племен и государств, включая Булгарию и Хазарию.

Я, словно прочитав во взгляде Изяслава Мстиславича блуждавшие в нем мысли, тут же резко его окоротил:

– Только пороха для подрыва укреплений очень много потребуется, наверное, десятки или даже сотни пудов! А самое главное, порох зреть будет в земле несколько лет. Особые ямы для его созревания делать надо.

От прозвучавших слов Изяслав Мстиславич тут же спустился с небес на грешную землю.

– Ладушки, как только столицу Кривицкой земли возвернем, заложим твои пороховые ямы. Если не мне, так тебе они службу ратную сослужат! – с некоторою грустью в голосе проговорил князь. Тут же он залихватски свистнул, обращая на себя всеобщее внимание, а затем приказал всем седлать коней и возвращаться в детинец.

Я остался очень доволен собой, мой план начал потихоньку претворяться в жизнь. По крайней мере, смоленские земли монголам просто так за здорово живешь не достанутся. Если та же Литва через век станет собирательницей западнорусских земель, то что сможет помешать Смоленску проделать тот же самый трюк столетием раньше? Главное – выдержать первые, самые мощные удары монголов. А после того как их тумены, уйдя из Восточной Европы и берегов Адриатики, в своих диких степях изберут на курултае себе нового великого хана, то назад, к границам Руси, монголы вернуться намного более слабыми. Потому как основные усилия они приложат к окончательному покорению Азии – будут «резвиться» на всем пространстве от Вьетнама до Египта. Во всяком случае, я так считал, исходя из своего знания истории средних веков.

Шумная, возбужденная увиденным зрелищем толпа дружинников вместе с князем и остальными свитскими удалилась. Внезапно повалил крупный снег, заметая конские следы и скрывая из вида лесную опушку, на которой расположился наш импровизированный полигон.

Вместе со мной остались лишь Перемога с дворянами. Да рядом еще маячила переминаящаяся с ноги на ногу чумазазя пятерка юных химиков, не только помогавших раздобыть производные пороха, но и активно участвовавших в приготовлении конечного продукта.

– Ко мне в услужение, в младшую дворню пойдете? – окликнул я их.

– Ежели родители отпустят, то пойдём, княжич, – ответил самый бойкий из них, – а кем служить возьмешь?

– Пороховщиками, кем же еще?! – недолго думая, создал я для них новую придворную должность. – Пусть ваши родичи с Перемогой переговорают. Служба у вас будет тайная и очень важная. Идите, думайте. – Взмахом руки я отпустил озадаченную открывшимися перспективами ребятню к родителям.

К слову сказать, уже через пару дней пороховщики в полном составе переехали на княжий двор. К тому же все они оказались родными и двоюродными братьями, впрочем, нечто подобное я от этой пятерки и ожидал. Остальные дворяне к новичкам отнеслись спокойно, так как за ровню себе они их все равно не считали. Будущий дружинник, ближник князя, в их понимании заниматься ручным трудом ну никак не мог! Меня такое отношение «старослужащих» к новичкам тоже устраивало. Так как лишней конкурентной борьбы в своем сложившемся подростковом окружении мне в данном конкретном случае явно не требовалось. Наставник Перемога на все эти забавы княжича, хоть и хмурясь, глядел сквозь пальцы.

А голову Изяслава Мстиславича все больше занимали мысли о Смоленске и всё, что с ним связано.

После вербовки юных химиков я долго думал, как уже в Смоленске организовать ямчужную службу. (В том, что Изяслав Мстиславич возьмет обратно Смоленск, сам он ни на миг не сомневался, особенно после прошедшего мора в дружине захватчика. Этой своей уверенностью он заразил и меня.) Наконец, я додумался до простой формулы: «навоз в счет податей». По идее, местные жители не только без всякого принуждения займутся самовывозом столь ценного сырья, но еще и соседское «добро» будут подворовывать. Переговорил я на этот счет с Изяславом Мстиславичем, тот, после долгих раздумий и уговоров, нехотя согласился с таким оригинальным предложением, ведущим к оскудению княжеской калиты. А смоленскому вече эти изменения в податях мотивировать тем, что в городе станет чище. Не забыть при этом упомянуть и про недавно разыгравшийся в столице мор, случившийся от излишней грязи. Тем более вывоз навоза и так практикуется некоторыми городскими жителями с целью удобрения окрестных полей. Поэтому особо ничего не изменится, только появятся особые специализированные пункты приема «органического сырья». Там же будет вестись учет, кто, когда и сколько по весу сдал навоза, эти данные впоследствии будут учитываться при налогообложении смолян. Кстати говоря, кроме навоза аналогичную процедуру надо будет провести и с печной золой. Зачем зря разбрасывать таким ценным сырьем! Ведь золу можно настаивать и выпаривать с целью получения поташа.

Юные химики-пороховщики должны будут выполнять роль не только главных технологов производства, но и заняться учетом сдаваемого населением сырья. Поэтому я недолго думая составил новый алфавит и цифирь для счета. Это должно коренным образом упростить не только сами как таковые счет и письмо, но и весь учебный процесс в целом.

Накарябанный на восковых табличках деревянной палочкой алфавит, а заодно и цифры от нуля до девяти, был роздан всем дворянам. Подростки с интересом рассматривали поделки своего княжича, первым не выдержал конюший Усташ.

– Изяславич, а что это за буквицы такие странные?

– Это, други мои, новый, измышленный мною упрощенный алфавит и цифирь. С помощью этих букв можно писать слова, а при помощи цифр вести любые подсчеты.

– Цифирь – это верхние закорючки? – влез с вопросом спальник Тырий.

– Да. Слушайте задание: за седмицу новые алфавит и цифирь вы должны будете не только перенести на деревянные дощечки, но и выучить написание и произношение букв и цифр.

Дворяне несколько недоуменно покивали головой, дескать, что делать, если княжич приказывает, то придется выполнять, никуда не денешься. Энтузиазма на большинстве лиц от полученного задания не проглядывалось.

– А теперь слушайте и запоминайте, какими звуками обозначается какая буква. Если кто забудет, как буква произносится или называется цифра, то ко мне сразу спрашивать не бегите, а друг у друга интересуйтесь. Итак, поехали...

Если пороховщики взялись за предложенное княжичем дело с энтузиазмом, то старослужащих дворян удалось заинтересовать новой наукой только с помощью хитрости. Я заявил им, что новый алфавит и цифирь – это, помимо всего прочего, еще и специально изобретен-

ная мной тайнопись и что приказы своим будущим воеводам я буду отдавать как устно, так и письменно, при помощи нового алфавита. Кто же сей наукой не овладеет, то выше десятника пусть не рассчитывает подняться. В итоге все дворяне с невиданным ранее усердием принялись грызть гранит науки, при этом помогая и подстегивая друг дружку.

Обучение моих подопечных продвигалось на удивление быстро. Оно и понятно, здесь не было развлечений XXI века, и значительную часть своего свободного времени они или что-то зубрили, или размышляли над услышанным материалом.

Ранее сам княжич, а также большинство из его дворян получали в Смоленске кое-какое начальное образование. Поэтому учебный процесс проходил довольно быстро, тяжелей всего пришлось, понятное дело, пороховщикам. Понастоящему всеобщее затруднение вызвала на первых порах новая цифирь. Каких трудов мне стоило объяснить концепцию нуля, знают лишь миллионы моих безвременно погибших нервных клеток. Тем не менее лед тронулся! Занятия проводились ежедневно, сразу после утренней тренировки и перед обедом. Еще до отъезда в Смоленск большинство дворян могло бегло читать по слогам и оперировать (вычитать и прибавлять) цифрами до ста. Изяслав Мстиславич к новой выдумке сына отнесся индифферентно, ни поддерживать начинание сына, ни порицать не стал. Вероятно, он следовал еще не придуманной народной мудрости «чем бы дитя ни тешилось...».

Попутно удалось выяснить, что в Смоленске, по нынешним временам, образование можно было получить в таких образовательных учреждениях, как монастыри и церкви, в светских училищах, заведенных еще в начале века, при Мстиславе Романовиче, а также у частных репетиторов (называемых здесь «мастерами грамоты»). Образование стоило весьма дорого, выучиться могли, главным образом, только зажиточные классы: князья, бояре, купечество и духовенство.

Не стоит забывать, что в это время еще не было резкой грани между отдельными группами населения, существовало вече, во время которого боярину было совсем не зазорно обсудить или даже поспорить о чем-то с самыми обычными ремесленниками и другими представителями городского низа – мизинными людьми. Сословные границы оставались размытыми и проходимыми, а сама Русь еще не успела напитаться монголо-китайским деспотизмом и чиновничьим. Русь все еще оставалась страной неограниченных возможностей. К примеру, чтобы не быть голословным, крестьянин, переехав в город, мог легко стать ремесленником (жестких цеховых гильдий не существовало), начать торговать и со временем превратиться в купца; начав изучать воинское искусство, мог со временем попасть в княжью дружину, выслужиться перед князем, проявить себя и превратиться в боярина, с земельной вотчиной. Конечно, за одно поколение из деревенского смерда превратиться в боярина сложно, но теоретически все же возможно, но уж за два-три поколения – вполне осуществимо!

В перерывах между своими «забавами» я внимательно и с большим интересом слушал отца своего физического тела Изяслава Мстиславича. Князь, при каждой выпадавшей у него свободной минуте, продолжал настойчиво просвещать своего «запамятовавшего» сына о социально-политической жизни Смоленского княжества, да и Руси в целом, в первой трети XIII века.

– Отец, так как же получилось, что Святослав Мстиславич Полоцкий сумел Смоленск захватить? – спросил я.

– Предательство, сыне, смоленские бояре, – он начал перечислять имена изменников, – крысиные хвосты, открыли ворота окольного города дружине Святослава. А с такой воинской силой Святославу ничего не стоило заручиться поддержкой своих неправедных действий на городском вече. В итоге смоленское вече меня изгнало, выбрав себе нового полоцкого князя. А теперь все они плачут, что сила Смоленска стала в Полоцк уходить. Во главу угла при всех решениях полоцкий князь в первую очередь своих, полоцких бояр да купцов ставит.

– А вообще, на вечевые сборы собираются все вольные мужчины – горожане?

– Только главы семейств могут голосовать! Взрослые, но не отделившиеся сыновья в вече не участвуют.

– Понятно с этим. А те бояре, что к нам иногда заезжают, – перебежчики? – уточнил я.

– Не все, но многие, – подтвердил Изяслав Мстиславич. – Начинают прозревать, что не на того скакуна они сели! Если так дальше пойдет, то Смоленск из столичного града скоро превратится в удельный полоцкий городок – вроде Витебска. А глад и мор, что напал на город, только этому в еще большей мере способствуют. Население городское уже в два-три раза сократилось, и люди стали задумываться о том, что их покарал Господь Бог за их вероломное предательство. Хотя мизинных людей тут по большому счету винить нечего. Несколько боярских клик провели к власти моего брата, а простому люду все равно, что хрен, что редька, они особой разницы между нами не видели. А вот теперь, когда их глад и мор как следует проняли, то некоторые из них начинают эту Божью напасть связывать с несправедным вокняжением твоего стряпа, что нам только на руку.

– А что ты намерен делать с боярами-переметчиками, казнишь их?

– Нет, я уже через доверенных людей пообещал их простить, коли они помогут мне вернуть великокняжеский стол. Они клянутся мне в верности и сознаются в том, что посадили на смоленский стол Святослава по собственной дурости и неразумению.

– И ты им веришь? – спросил я с иронической улыбкой на губах.

– В их кошкины слезы о съеденной мышке я не верю. Просто бояре почуяли урон своим прибылям и влиянию от действий Святослава. Поняли, что он принялся полоцких бояр да купцов возвеличивать в ущерб смолянам. Ну а мне-то что? Какая мне разница, каким путем они ко мне возвратились? Главное – они осознали, что ошибались, что лучше иметь собственного князя, чем отдаваться под власть полоцкого, минского, черниговского, новгородского – да какого угодно любого другого князя, уже имеющего собственное коренное княжество.

Отпив своего любимого ромейского вина, на мой взгляд, весьма сомнительного качества, Изяслав Мстиславич продолжил:

– А вообще, сыне, запомни, что смоленское боярство – это огромный клубок со змеями, и каждая из них ради собственной выгоды готова тебя укусить. Если одна-две будут тебе досажать – то не смертельно, а вот если они объединятся промеж себя – жди беды, вроде той, что со мной произошла.

– А бояр никак нельзя из города изгнать, пускай бы в своих селах сидели, да там бы и кукарекали, а несогласным – шею свернуть, – изложил я, казалось бы, очевидное решение боярской проблемы.

Изяслав Мстиславич весело рассмеялся, по привычке потрепав меня по голове.

– Да... Как же их изгонишь? Это сделать так же легко, как выловить всех блох с бродячей собаки! Хотя бы взять их воинскую силу – они имеют собственные дружины, которые в совокупности куда как поболее моей будут! Только если еще и всех смолян ополчить, то тогда можно будет попробовать одолеть бояр. А всех смолян ты, опять же, не сможешь ополчить, потому как чуть ли не половина черных людей живет в боярских усадьбах, либо их труд так или иначе связан с боярами невидимыми с первого взгляда нитями. Множество тех же ремесленных мастерских находится прямо в боярских подворьях, туда приходят вольнонаемные мастера и работают на боярина, при этом сохраняя свои вечевые права. И вот подумай, на чьей стороне эти мизинные люди будут – на моей или на стороне своего боярина?

– Если боярин своих людей сильно не неволит, не принуждает к непосильному труду, то будут на боярской стороне. Если, конечно, им князь лучшую долю не предложит...

– Правильно, сыне! А что я им лучшего могу предложить? Сманить к себе да больше гривен платить? В таком разе я быстро разорюсь, а бояре себе новых людишек найдут, со своих же собственных земель, да над князем-дурнем посмеются.

– У них еще и своя земля? – спросил я, поддерживая беседу.

– А ты думал! Все смоленские бояре – богатые землевладельцы, с собственными селами и смердами, в них проживающими. Вот как раз оттуда они людей и найдут, чтобы заселить свои усадьбы, вместо сманенных мною людишек. Не забывай и о том, что через своих торговых людей бояре сбывают продукты со своих владений, а ну как перестанут это делать – и смолянам жрать нечего будет! Да еще вдобавок в возникшем голоде и росте цен во всеуслышание на городском вече князя обвинят! А ты говоришь – их скинуть... Если враждующие меж собой боярские кланы объединятся, то не они под мою, а я под их дудку буду плясать. Только на вражде меж боярами и можно выплывать и являть самостоятельную волю, – грустно закончил свою речь князь.

А я-то умник думал решить боярскую проблему одним кавалерийским наскоком, а тут оказывается, что князь связан по рукам и ногам, реальной власти у него намного меньше, чем у английской королевы! Там ее самостоятельность ограничивают не столько законы, сколько сложившиеся традиции невмешательства в политическую жизнь страны, по крайней мере, такая картинка складывается от просмотра телевизора, а как там на самом деле – доподлинно неизвестно. А в Смоленске первой трети XIII века все кристально ясно – князь выступает реальной декоративной фигурой, с полутора сотнями дружинников. Как впоследствии я узнаю, смоленских князей даже изгнали из собственного детинца! По официальной версии в 1150 году князем Ростиславом Мстиславичем он был передан смоленскому епископату. Не думаю, что это произошло добровольно, чувствую, здесь не обошлось без нажима со стороны бояр. А теперь смоленский князь со своими дружинниками вынужден жить даже не то что не в детинце, но и вообще за пределами окольного города, за городскими крепостными стенами. И, как оказалось, дружина князя – это пшик, по сравнению с объединенными боярскими дружинами и смоленским ополчением. Хотя сейчас, из-за приключившегося в северо-западных русских землях глада и мора, баланс сил сместился в пока еще неизвестную точку и нарушен. Ну а про Смоленск и говорить нечего, тут в моем лице пребывает огромный неучтенный фактор, масштаб которого потенциально может сравниться с целой бомбой, причем атомной. Хе-хе! Еще посмотрим, чья возьмет!

Первого марта, точнее говоря, первого бересня, так здесь назывался март месяц, отметили наступление нового года⁵. Отпраздновали этот праздник скромно, так как уже на следующий день выехали в путь-дорогу, в стольный град! А началось все с получения из Смоленска давно ожидаемой князем вести.

В тот день, по случаю наступления нового года, князь устроил традиционное застолье, которое, еще не успевши толком начаться, оказалось прерванным. Я сидел подле князя, когда услышал громкий разговор в сенях. Разговаривали стоящий на страже дежурный десятник Бронислав с каким-то незнакомцем. Князь, прислушиваясь, тоже заинтересовался незванным гостем.

Не прошло и минуты, как дверь в гридницу распахнулась, в проходе появился десятник, а за его спиной выглядывал мужчина лет двадцати пяти. Его одежда была покрыта изморозью и в то же время источала крепкий запах конского пота. Говор в гриднице тут же смолк, все обернулись в сторону вошедших.

– Княже, гонец к тебе от боярина Дмитра Ходыкина, – громко произнес Бронислав, с трудом подавлявая на своем лице довольную улыбку, и отступил на шаг, освобождая гостю дорогу.

---

⁵ До 1492 года новый год считался с 1 марта, а с 1492 года – с 1 сентября ст. ст. По указу же Петра Великого – с 1700 года новый год начинается с 1 января ст. ст.

Гонец вышел из-за спины десятника, поклонился князю. На нем была шапка из волчьего меха, в сером ворсе еще блестели нерастаявшие серебристые льдинки.

– Гонец из Смоленска я, от боярина Ходькина, – просипел он своим простуженным горлом, переминаясь с ноги на ногу.

– Давай послание от боярина, – князь повелительно потянул вперед руку.

– Велено есчо на словах сказать, княже!

– Ну, реки, что там тебе велено?

– Святослав Мстиславич сбежал из Смоленска вместе со всей своей дружиной, а люд смоленский на собранном вече выкрикнул твое, Изяслав Мстиславич, имя! А вот и грамоты от бояр, мои слова подтверждающие! – с последними словами он подошел вплотную к князю и протянул ему опечатанные берестяные свитки.

В ту же секунду гридница буквально взорвалась громогласным ором. Все присутствующие повскакивали с лавок, смеясь и улыбаясь, начали обниматься друг с другом. Князь же, читая про себя переданные ему послания, восседал на своем стольце с блаженной улыбкой на устах.

Еще только-только занималось морозное утро и над Зароем в небо поднимались столбы белого печного дыма, а весь княжий двор уже был готов к немедленному отъезду. Открытые настежь ворота детинца и посада выпускали наружу груженные неповоротливые возы. Отстояв благодарственный молебен в церквах, казалось, весь Зарой вышел провожать отбывающего в столицу князя.

Впереди, под княжеским стягом двигалось дружинное войско, подпираемое сзади длинной цепочкой обоза. Во время всего похода оружие вместе с доспехами везли на возах. Меня такая беспечность сильно напрягала всю дорогу, но от моих слов и попыток исправить такое положение дел князь лишь отмахивался. Несложно догадаться, что произойдет, случись в дороге засада. Дружинники князя были вооружены по минимуму – мечами, саблями, топорами, стрелами и ножами-засапожниками. Да, еще с собой на конях везли трубы и бубны, намереваясь их использовать по назначению в случае тревоги. А островерхие шлемы с забралами и личинами, кольчужные железные сетки для защиты щек и затылка, брони, кольчуги, щиты, копыя, рогатины, сулицы, оскепы и топоры путешествовали отдельно от своих хозяев. Свою безалаберность князь мотивировал тем, что, дескать, так завсегда было принято ходить в походах.

Кроме оружия и доспехов на возах везли прихваченный в дорогу съестной припас, в возках же передвигался и весь «гражданский персонал» – княжеские служащие, челядь, немногочисленные женщины и дети.

Вечером, прямо на опушке леса, облитой мертвящим лунным светом, разбили лагерь. Вместе со своими спальниками я зарылся в возке, словно мышь, укутавшись с головой шубами. Но, к своему удивлению, переночевал вполне нормально, ничуть не замерз!

Глава 2

Смоленск. Весна 1233 года

Путь из Зароя до Смоленска пролегал по замерзшим руслам и берегам рек Ипать и Сож. Конный авангард дружины с трудом пробивал путь в рыхлых сугробах. Затишья в лесах сменялись воющими ветрами на равнинах. Редкие безлесные оазисы, занимаемые городками, погостами да весями (деревнями), сменялись на всем протяжении пути абсолютно непролазными лесными дебрями.

У меня складывалось впечатление, что мы пересекаем не обжитую человеком местность, а какую-то глухую, дикую тайгу. Среди пород деревьев доминировали ель, береза, сосна и дуб. В этом не тронutom человеческой деятельностью лесу особенно колоритно смотрелись старые, достигшие колоссальных размеров деревья; поскрипывая и раскачиваясь на сильном ветру, они могли под собственной тяжестью обрушиться на головы путников в любую секунду. Из-за этого я ощущал себя крайне неприятно, постоянно ожидая обрушения ближайшего на пути следования угрожающе раскачивающегося исполина. Остроту восприятий добавляли то и дело попадающиеся на пути следования уже сваленные природными силами деревья-гиганты, частично прогнившие и проросшие молодняком.

И в то же время такая буйная растительность не могла не радовать. Монгольская конница по территории княжества сможет передвигаться не там, где ей захочется, а лишь вдоль немногих, строго заданных маршрутов. Большинство сухопутных дорог проходило вдоль берегов рек летом, а зимой по их замерзшему руслу. Стоило лишь перегородить засеками угрожающие направления – и уже полдела, считай, сделано, враг задержан и локализован. А далее к намечившимся местам прорыва подвести мобильные резервы ставки ВГК – и всё, монголы встанут, даже без использования огнестрельного оружия. Главное не выходить биться с их войском в чистое поле, как наши князья, по дурости, привыкли делать. А если к тому времени удастся создать аналог гуляй-городов с артиллерией и стрельцами, то можно будет от монголов не только обороняться, но и успешно их атаковать.

Подобного рода размышления занимали меня всю дорогу. Но вот, наконец, перед моими глазами предстала столица княжества, один из древнейших город кривичей, Смоленск! Главная часть города (окольный град) лежала на левой стороне Днепра, она была окружена глубоким восьмиметровым рвом и высоким, тоже примерно восьмиметровым валом, с деревянными стенами и башнями на его вершине. Из-за этих громоздких фортификационных конструкций едва просматривались верхушки внутригородских зданий, и лишь только старый детинец был хорошо виден, гордо возвышаясь на Соборной горе куполами храма. В нем красовалась церковь Успения Божьей Матери – духовный центр и кафедральная церковь княжества.

Деревянные стены на вершине вала были сделаны из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четырехугольников (городен), набитых глиной изнутри и ей же обмазанных снаружи. Стены имели ширину от двух до шести метров, высоту от трех до пяти метров и наверху снабжались боевым ходом, прикрытым снаружи бревенчатым бруствером. Как чуть позже выяснилось, бруствер на Руси обзывался «забралом». В «забрале» были сделаны бойницы, через которые защитники могли расстреливать штурмующих. Сверху стены покрывали двускатной крышей, опиравшейся на бруствер с внешней стороны и на столбы с внутренней стороны. Бруствер-забрало был сделан чуть выступающим вперед, за плоскость стены, наподобие европейской машикули, которая здесь называлась по-русски просто и доходчиво – «обломом». Этот облом позволял стрелять не только вперед, но и вниз, к подножию стены.

Подобные этим укрепления, как я предполагал, будет весьма трудно разбить выстрелами из малокалиберных орудий. Здесь потребуется самая настоящая осадная артиллерия, жела-

тельно века этак из семнадцатого-восемнадцатого. Интересно, как сейчас умудряются такие укрепления брать? Если отбросить предательства, подкуп и иные подобные хитрости, а исходить только с чисто военной точки зрения. Стены эти на высоком валу тараном не возьмешь (если только одноуровневые с окружающей местностью ворота), подрываться под них тоже проблематично и сжечь весьма трудно, так как они все обмазаны глиной. Сейчас, при первой прикидке, мне приходило в голову пока лишь три способа: первый – многомесячная осада на измор; второй – поджог города изнутри, при помощи метательных машин, забрасывающих за городские стены горящие снаряды; третий – штурмовка самого слабого места в обороне – крепостных ворот, при помощи хорошо защищенного от внешних воздействий (стрел, камней, огня) тарана.

Окольный город для князей с дружиною был закрыт. Уже чуть ли не полвека в стены окольного города по возможности горожане старались не допускались крупные воинские формирования. Князь мог свободно посещать город, но лишь при сопровождении его персоны небольшими отрядами воинской свиты. Поэтому мы, двигаясь по Пятницкой дороге, въехали не внутрь самого города, а в одноименный Пятницкий острог. От Старого окольного города его отделяла крепостная стена и овраг с ручьем. При этом внешние крепостные стены острога были ничуть не слабей стен окольного города. И вообще для внешнего наблюдателя Пятницкий Острог и Окольный город сливались в единое целое фортификационное сооружение.

Сегодня с утра, с места последней ночевки на расстоянии поприща⁶ от Смоленска, дружинники наконец-то облачились и вооружились согласно «штатам военного времени», нацепив на себя все имеющиеся у них доспехи и вооружившись до зубов. Хоть Святослава с его войском в Смоленске не было, но Изяслав Мстиславич желал произвести со своей дружиной хорошее впечатление на горожан.

Князь нарядился в фиолетовый кафтан на меху, стянутый широким золотым поясом, обулся в сафьяновые, с серебряной насечкой сапоги, красное корзно заколол на груди большой запоною, на голову надел кунью шапку с красным верхом.

Как только замаячил над Днепром стольный град князей Ростиславичей, по большаку стали попадаться крестьянские возы. Мужики, уступая дорогу, торопливо съезжали на обочины, снимали шапки, кланяясь проезжавшему в голове отряда князю, со страхом разглядывая вооруженных воинов.

У ворот окольного города князя с искренним, а скорее всего с напускным радушием встречали пестро разодетые бояре.

– Со счастливым прибытием, княже! – с угодливыми улыбками приветствовали они Ростиславича.

Дружинники, привстав на стременах, высматривали в толпе встречающих знакомые лица, здоровались и громко смеялись.

Толпы смолян с приветственными криками встречали Изяслава Мстиславича и его дружину. Бил в набат вечевой колокол на Торгу – главной вечевой и рыночной площади города. И Торг, и набережная с причалами у Днепра располагались обособленно от остальной части города, находясь сразу за Пятницким острогом, за пределами мощных городских и острожных стен. Торг был отделён от совсем никак не укрепленной набережной лишь линией хилого тына (частокола). Именно сюда и стекался народ на общегородское вече по случаю повторного вокняжения на отчем столе Изяслава Мстиславича.

Горожане с интересом разглядывали старого-нового князя, его воев, значительная толика общественного внимания досталась и юному наследнику князя. Сразу, первое, что бросилось мне в глаза, – это тотальная милитаризация горожан. Становилось понятным, почему полоцкий князь, с ослабленной из-за болезней дружиной, столь скоро и без всякой попытки решить

⁶ *Поприще* – длина дневного пешего перехода, равна примерно 25 километров.

дело удержания своей власти силой, покинул город. Сражаться сотней дружинников против нескольких тысяч вооруженных горожан – то еще удовольствие, можно запросто и головы лишиться. Все половозрелые лица мужского пола – мизинные люди: кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники были обряжены в самые разные доспехи (от кожаных до металлических), а в руках сжимали копья, рогатины, луки, стрелы, колы и топоры. Теперь становилось окончательно понятно, почему князя, даже имея собственные дружины, были вынуждены считаться с мнением народа.

Над Торгом, куда мы въехали с территории хорошо укрепленного Пятницкого острога, возвышались купола трех православных церквей – Пятницкой, Иоанна Богослова и Николы Полутелого, а в полусотне метров от храма Ивана Богослова, ближе к берегу Днепра, возвышался типичный такой западноевропейский островерхий шпиль на круглом башенном основании то ли кирпичи, то ли костела.

Перемога в свое время просветил меня в смоленском церковном зодчестве, поэтому я все три храма мигом срисовал, а затем сумел их быстро опознать «who is who». «Латинская / немецкая божница» (ротонда) стояла посреди квартала немецкой слободы, огороженной высоким частоколом. Внешний периметр этого немецкого забора одновременно служил отдельным участком внешней линии обороны Торга, составленного из тынового ограждения. Сразу за тыном Торговой площади начинался берег Днепра с причалами. То есть немцы при желании вполне могли послужить своеобразным «троянским конем» при взломе линии обороны Торга. О чем только думают смоленские аборигены? Позднее, в процессе личных контактов, мне станет известно, что обитатели немецкой слободы свою церковь называли несколько иначе. Латинская церковь была воздвигнута и соответственно звалась в честь Пресвятой Богородицы, посему выходит, что смоляне умышленно или случайно напортачили с переводом и «малость» исковеркали название церкви.

Пятницкая церковь высилась у противоположного от немецкой ротонды, восточного угла Торга – близ Пятницкого ручья и Пятницкой проездной башни. Ничем не выдающаяся с архитектурной точки зрения, длиной примерно 18 и шириной 12 метров. Сложена была из плинф. Интересно было другое, церковь была сооружена на денежные взносы смоленского купечества и помимо духовного окормления прихожан также выполняла и некоторые другие, коммерческо-рыночные функции.

Западнее Пятницкой церкви стояла церковь Николы Полутелого, также построенной на деньги купеческого сообщества. Характерны даже сами названия последних двух храмов – Пятницы (покровительница торговли) и Николы (патрон «плавающих и путешествующих»).

В центре Торга была воздвигнута церковь Иоанна Богослова. Это был крестово-купольный, одноглавый, трехапсидный храм, внешне схожий с Заднепровской Петропавловской церковью. Сама церковь Иоанна Богослова и детинец при храме были построены еще при князе Романе Ростиславиче. Но вскоре весь этот комплекс зданий, вся княжеская резиденция была передана в ведение Пятницкой кончаковской администрации. Храм Иоанна Богослова сделался приходским, а при церкви, в здании бывшего княжеского терема, открыли школу. Вот это последнее обстоятельство меня искренне порадовало. Громадье планов, роющихся в моей голове, без множества образованных людей осуществить было просто не реально!

О смоленских церквях можно говорить еще долго, в городе их насчитывалось около двухсот! В основном, конечно, они были деревянные, каменных храмов было только двадцать шесть штук. «Частные» – дворовые или вотчинные церквушки, построенные в подворьях зажиточных горожан, за явным преимуществом преобладали над «общественными» приходскими церквями.

Но что-то я отвлекся! Пока крутил любопытной головой в разные стороны, Изяслав Мстиславич лихо взобрался на специально предназначенный для публичных выступлений помост. Некогда, «в прошлой жизни», этот парапет был высоким теремным крыльцом, теперь

же он оказался перепрофилирован в трибуну. Сами теремные хоромы по-прежнему своими крытыми резными деревянными галереями соединялись со зданием церкви Иоанна Богослова, создавая на фоне выступающего поистине одухотворенный, величественный антураж.

Дружинники, по знаку князя, «вздернули» меня на постамент и расположили по его правую руку. Изяслав Мстиславич нервно выдохнул, глубоко вдохнул и начал громко, зажигательно ораторствовать с подобающей случаю речью. В своем выступлении он обвинил полочан во всех смертных грехах, если исходить из его слов, даже недавний мор и глад были не чем иным, как происками погрязших в грехопадении соседей во главе с их князем, совсем не чтившим заветы предков. Потом на недовольные выкрики купцов о распоясавшихся немецких купчинах князь прошелся и по немцам крепким словом, пообещав прижать тех к ногтю, выплатить смоленским купцам все понесенные ими от действий немцев убытки, да и вообще заставить их твердо соблюдать «Смоленскую торговую правду».

Популистские речи князя были встречены «на ура», вернее «на слава». По окончании сего мероприятия смоленский епископ – владыка Алексей – всех благословил и распустил народ по домам, отмечать знаменательное событие – возвращение блудного князя.

По Большой проезжей дороге, тянущейся параллельно течению Днепра, мы с князем и его дружиной выехали с Вечевой площади. Переправились по мосту через речку Чуриловку, миновали стоящую в устье Чуриловки Кирилловскую церковь и окружающую ее поселение Чуриловской слободы и напрямиком направились к Свирской горе, располагавшейся западной, между Смоленском и хорошо укрепленным Смядынским монастырем.

Первоначальный княжеский детинец в историческом центре города на Соборной горе, как уже выше говорилось, в 1150 году прихватизировала церковь, «выцарапав» его из рук Мономахова внука – Ростислава Мстиславича – родоначальника династии Ростиславичей, к которой принадлежали все без исключения смоленские князья. Сын «ограбленного» церковью князя, Роман Ростиславич, свой двор разместил за окольным городом, к востоку от устья реки Чуриловки. Там же была воздвигнута церковь Иоанна Богослова. Но и эта территория вскоре перешла под юрисдикцию кончанской администрации Смоленска. Этому акту предшествовала борьба княжеской и кончанской администраций, которая подчас выливалась в вооруженные столкновения. Противоречия начались еще при жизни Романа Ростиславича, который «многие досады прия от смолян». С особой силой они разгорелись после его смерти. После смерти Романа в 1180 году его брат Давид Ростиславич переносит свой двор еще западнее, на Свирскую гору, ближе к Смядыни. После этого возводит свою дворцовую церковь во имя Михаила Архангела (Свирскую). А на территории бывшей княжеской резиденции были воздвигнуты новые городские укрепления, которые в дальнейшем получили наименование Пятницкого острога, так как примыкали к Пятницкому концу и находились вместе с входящей в них территорией под его юрисдикцией. Общая протяженность оборонительной линии Пятницкого острога ориентировочно достигала 1,6 километра.

Сразу за речкой Чуриловкой на Свирской горе стоял княжеский детинец вместе с дворцовым храмом Михаила Архангела. К воротам во главе своего воинства подъехал Изяслав Мстиславич, встречающая его толпа расступилась. Артемий Астафьевич – новый-старый смоленский посадник, руководивший городом еще при Изяславе, но смещенный Святославом, во главе с другими смоленскими боярами приветствовал князя.

Изяслав Мстиславич резко осадил коня, соскочив на землю. Бояре, снимав свои горлатые шапки, склонили перед князем головы.

– Здравствуйте, господа бояре и люд честной! – произнес князь звенящим от счастья голосом. – Как вы тут без меня жили-поживали?

– Благодарствуем, княже, за добрые слова! Спасибо, княже, за твою заботу! Туго без тебя всем нам пришлось! Дай бог тебе здоровья! – разразились ответными приветствиями вятские люди столицы.

– Ну, тогда прошу всех вас к себе в гости, на пир честной!

Обросшие бородами лица громко согласились, и под восторженные возгласы все вместе настропалились в терем.

Князь ликовал! Не зря спешил он в Смоленск. Народ смоленский был счастлив его видеть. Другому князю теперь здесь делать нечего. По праву вернулось ему его родовое наследство. А брат Святослав, получив урок, теперь будет сидеть в своем Полоцке и носа сюда не казать!

Изяслав Мстиславич уже прикидывал в уме, как начнет править в Смоленске. Первым делом он уберет с глаз долой всех Святославовых людей. Впрочем, полоцких прихвостней в Смоленске почти и не осталось: они либо подались в бега вместе со своим князем, либо уехали в свои вотчины, а те, что все же остались в городе, сейчас сидели в своих дворах тише воды, ниже травы. Но если они вдруг высунутся, то он их мигом укоротит на голову. Отымет у самых наглых и отъявленных переметчиков все то, что им щедро раздарил Святослав. И отдаст землю верным боярам и дружинникам. Остальных бояр тоже надо слегка умаслить, бросив и им по куску. Эти бородачи, словно скользкие слизни, уже сейчас заглядывают ему в рот и скоро начнут выпрашивать для себя новые подачки.

С высоко поднятой головой шел Изяслав по коридорам своего старого терема. Оставленная Святославом челядь при виде своего возвратившегося князя валилась на колени. А за своей спиной князь то и дело слышал угодливые, до тошноты, голоса смоленских бояр.

– За тобой, Изяслав Мстиславич, теперь будем как за каменной стеной!

– Не посрамим твой славный род!

– На нас положишь, княже, в беде не оставим...

Вместе с князем вся шумная толпа ввалилась в терем. В этом деревянном дворце уже вовсю кипела не только социальная жизнь, но и кулинарная – в невероятных количествах готовилась пища, по случаю возвращения князя затевался грандиозный пир.

В гриднице для всех желающих место не нашлось, здесь разместились только дружинники, наибольшие бояре, городская верхушка, остальные гости довольствовались размещением в сенях. Все стены и потолок помещения были закопчены непрерывно чадающими факелами, или «витнями» как их здесь называли, потому что они были свиты из смоляной пеньки. Столы «заливало» вином и медом, слуги разносили огромные блюда с мясом и дичью. Что меня удивило, так это присутствие на пиру в большом количестве жен и иных лиц женского пола, пришедших на пир со своими мужчинами, и это помимо крутившихся рядом с дружинниками дворцовых сенных девок.

Я сидел за столом по правую руку от Изяслава Мстиславича, первый голод был утолен, бокалы с вином пошли гулять по кругу, а некоторые уже успевшие наклюкаться дружинники принялись угощать друг друга пищей, швыряясь ей через весь стол.

На пиру к уже знакомым мне начальным людям княжеской дружины присоединилась целая кодла смоленских вельмож. За столами величаво расселись представители виднейших смоленских боярских родов: Плюсковы, Ходыкины, Кривцовы, Басины, Жабины, Пивовы, Полтевы, Вошкины, Ходневы, Шестаковы и многие другие. Эту информацию мне на ухо тихо шептал Перемога, указывая на бородачей в горлатых высоких шапках. Все они не только являлись крупнейшими вотчинниками, но и занимались торговлей, хотя за столом присутствовали и чисто купцы. Этим вельможам было по большому счету все равно, кто у них князь, их устраивала любая личность, которая бы проводила выгодную им политику дальнейшей раздачи земель и торговых привилегий. И самое паршивое, они представляли собой силу не только в

экономическом измерении, но и в политическом – местные бояре активно влияли на городское вече, посредством так или иначе зависимого от них мизинного люда. И в военном – бояре не только возглавляли отряды городских полков, но и имели собственные конные дружины, чья объединенная мощь в разы превосходила возможности любого князя. В общем, самостоятельность смоленского князя была лишь немногим больше, чем в Новгородской, де-факто боярской республике. Похоже на то, что мне в будущем, чтобы добиться централизации власти, придется пролить реки крови. Веселая, однако, перспектива...

Смоленский тысяцкий Михалко Негочевич, начальствующий над всеми смоленскими ополчениями, ухмыляясь, растягивал свои узкие губы, делая их похожими на змеиную улыбку. Я, конечно, знаю, что змеи не улыбаются, но если бы они могли это делать, то, я уверен, их оскал походил бы на улыбку этого, не к ночи помянутого, Михалки. Думаю, не надо быть физиогномистом, чтобы по мимике лица понять, что этот боярин являлся весьма скользким типом, всегда готовым ужалить.

Пантелей Братонежнич – конецкий староста, или сотский Заднепровского Ильинского конца – вид имел весьма добродушного увальня, этакая душа компании. По словам Перемоги, это веселое состояние боярина было не напускное, балагурил он всегда и везде.

Чуть поодаль от нас сидели все время переговаривающиеся между собой главные смоленские таможенники – купец Терентий Луготич и боярин Мирослав Олексич Чёрный.

Еще важными шишками, на которых Перемога обратил мое внимание, были купец Иван Ручечник и боярин Якун Домажирич – тоже городские выборные, отправляющие посольскую службу.

На этом знакомство со смоленской аристократией прервалось, язык Перемоги от выпитого стал заплетаться, внимание рассеялось. Как только появились гусяры и стали услаждать своим «искусством» гостей, главным образом прославляя отдельных именитых представителей, я не выдержал и по-тихому слинял. С трудом найдя из своих малолетних дворян только спальника Корытя, я отправился в его сопровождении в свою прежнюю комнату. Поводырь мне был необходим, так как о местоположении собственной спальни я, по понятным причинам, даже не догадывался.

Опочивальня наследника смоленского престола располагалась на втором этаже. Окна спальни выходили на расписное гульбище, представляющее собой нечто вроде балконов, соединенных вместе проходами. То есть выходящий во двор второй ярус северной стороны терема был превращен в сквозную пешеходную дорожку, искусно украшенную резными перилами и решетками. Из моей спальни можно было выйти на крыльцо и спуститься вниз, во двор, или из крыльца прямо пройти на эти хоры, чтобы любоваться подворьем и окрестными видами, открывающимися из-за стены, окружающей дворец. По правую руку был виден сам окольный Старый город с его крепостной стеной, по левую – прилипший к нему Пятницкий острог. Пятницкий Острог возник на месте Торга, «приклеившись» к западной стороне Старого города, на территории между Пятницким и Чуриловским ручьями, впадающими в Днепр. Но эти гульбища и галереи по замыслу «архитекторов» можно было использовать и в оборонных целях, находясь здесь в относительной безопасности, расстреливать из луков вся и всех.

Сама светлица, предназначенная мне, состояла из двух смежных комнат, причем, что особенно меня порадовало, рядом со стеной второй комнаты проходила дымница (труба) от печи, что была установлена на первом этаже терема. Все-таки март месяц на Руси не самый теплый, поэтому вместе с Корытем перетасили широкую лавку, что использовалась вместо постели, поближе к жаркой дымнице. Уложив голову на пуховую подушку и укрывшись кошмой, я моментально заснул.

По пробуждении я принялся изучать свое новое ПМЖ. За ночь помещения дворца сильно выстудились, и было довольно зябко. В слабом, мерцающем свете зажженной лучины облачился в верхнюю одежду при неизменно назойливой помощи своих теней в облике дворян. Посмотрел в окошко и... ничего не увидел. И без того мутная слюда была покрыта белым, непроглядным слоем изморози. Сопровождаемый дворянами, вышел на гульбище – местный аналог балкона. Здесь, прохаживаясь, дежурила пара порядком задубевших на холоде дружинников. При моем появлении они поздоровались, склонив головы.

Подойдя к краю гульбища и облокотившись на парапет, я стал рассматривать окружающий детинец пейзаж. В свете яркой луны и озарившегося восходящим солнцем морозного неба я долго вглядывался в заснеженные крыши княжеского подворья и других виднеющихся за ним построек. Дальше, восточнее, был виден Пятницкий острог, Торг, являющийся по совместительству еще и главной вечерней площадью города. Рядом с ними вырастали дубовые крепостные стены и башни, за которыми медленно просыпался окольный город. Отсюда были видны только верхние этажи домов, крыши и купола церквей. А с противоположенной стороны Торг подпирали речные причалы, обрамляющие берег блестящего, скованного льдом Днепра. Сам теремной храм, дворец, многие другие жилые и хозяйственные постройки были окружены мощной дубовой оградой с могучими воротами.

Неожиданно появился слегка помятый, но зато охмелённый Перемога. По моей просьбе провел экскурсию по терему. Первый этаж начинался с сеней – большой горницы. Здесь, на своих постах, стояли дежурившие круглосуточно князья гридни. От сеней налево тянулся узкий переход в княжью трапезную. Направо – еще один переход, по обе стороны которого шли двери множества светлиц, в которых сейчас похрапывали утомленные застольем гридни, в основном из числа командного состава. Рядовые дружинники размещались в стоявшей на особицу Дружинной избе.

На второй ярус терема вела широкая лестница, в конце которой находилась Людная палата. В палате было несколько дверей – справа и слева. Дверь слева вела в светлицы княгини, ныне занятые женской частью терема. Здесь же располагалось и мое место обитания. Правое крыло помещения, со всеми комнатами, занимали князь и его самые доверенные слуги.

Кроме жилых помещений (многие жилые срубные клетки были встроены прямо в крепостную стену, окружающую детинец), имелись различные хозяйственные постройки: кладовые, зерновые ямы, амбары, ледники, погреба, медуши. В них хранились зерно, мясо, мед, вино, овощи, а в княжьих кузнях хранились и изготавливались изделия из металла. Плюс к этому, помимо многих десятков людей – от холопов до дружинников, княжий двор отягощала и иная живность – скотницы с коровами, козами, курами и конюшни, способные вмещать три сотни коней. По сути, княжий двор был целым городом в городе.

– Княжич, – за спиной я услышал знакомый голос конюшего Борислава, – в церковь, на службу надоть идти! Князь тебя кличет!

Изяслава Мстиславича я встретил в теплой, точнее говоря, еле тёплой компании его вчерашних вельможных собутыльников. Прихватив меня за руку, кряхтя и пошатываясь, князь вместе со своими ближниками проследовал по крытым деревянным переходам и направился в дворцовую церковь Михаила Архангела, или еще по-иному ее именовали Свирской церковью.

Внутри церкви, на уровне окон второго этажа находился балкон для знати. Вернее этот балкон правильнее называть «хоры», или по-древнерусски «полати» (синонимы балкон, галерея, настил) – в архитектуре это верхняя открытая галерея или балкон внутри церкви (обычно на уровне второго этажа). В западноевропейских храмах на хорах обычно размещались музыканты, певчие, орган. В православных церквях хоры имели гораздо более широкий набор функций, на них могли располагаться как клирос, так и приделы, подсобные помещения. В дворовых или, иначе говоря, вотчинных храмах, подобно этой церкви Михаила Архангела, хоры предназначались для представителей княжеского рода и высших слоев общества.

Весь молебен, стараясь дышать через раз, по причине соседства с «благоухающей» компанией, я рассматривал на стенах иконы, обильно украшенные (подумать только!!!), золотом, серебром, жемчугом и другими драгоценными камнями! Также стены были украшены темперной росписью и фресками.

По окончании службы, чуть не задохнувшись от ядреного перегара, я все-таки нашел в себе силы продолжить прерванное исследование своего нового ПМЖ. При помощи добровольных помощников, в лице местных бородатых и долгогривых церковнослужащих, я довольно-таки основательно ознакомился с этим дворцовым храмом. Он был построен по указанию Давыда Ростиславича, князя Смоленского, во время его правления в 1180–1197 годы. Как оказалось, здание имело нетипичную для православных храмов этого времени романскую архитектуру – храм был четырехстолпный. Конструкция – четырехгранная башня с тремя высокими пристройками. Фундамент – в основе валуны, уложенные без раствора в вырытую в песке траншею на глиняное основание, поверх валунов выложена кладка из плинфа на растворе. Материал стен – плинфа, скрепленная известковым раствором. Нижняя часть стен была присыпана песком. Снаружи на стенах присутствовали рельефные кресты и декоративные арки над окнами и дверьми, а также расписные орнаменты.

Отдельно от княжеского двора, у Чуриловского причала, наличествовали княжеские мастерские. Из Зароя выехали и сменили место жительства обслуживающий персонал (домашние или дворовые холопы) и ремесленники, пополнив число обитателей княжеской резиденции. На подворье обнаружили живыми и невредимыми, к моей радости, княжеские ремесленники-холопы – кузнецы, специализирующиеся на производстве вооружений и доспехов.

Из стен княжьего дворца, при помощи здесь же обретавшегося чиновного люда, происходило управление целым княжеством с его городами и селами/погостами.

Рядом с дворцовым комплексом то там, то здесь были разбросаны защищенные мощным дубовым тыном дворы-усадыбы других смоленских князей Ростиславичей и некоторых худородных бояр и купцов (знатные вельможи предпочитали селиться за стенами окольного города). Впрочем, сейчас рядом с княжеским дворцом никого из князей Ростиславичей не наблюдалось (из-за мора и переворотов князя разъехались, как говорится, от греха подальше, по своим наследственным уделам).

На следующий день мы вместе с князем в неизменном сопровождении толпы свитских бояр, слуг и не менее многочисленных дружинных командиров направились на правый берег Днепра, в так называемое Заднепровье, обследовать Ильинский/Городенский конец (Заднепровский острог), где располагалась вторая княжеская резиденция.

Второй действующий княжий двор находился на берегу речки Городянки у церкви Петра и Павла (Петропавловская церковь). Церковь соединялась гульбищами со вторым этажом огромного деревянного дворца.

Как и следовало ожидать, первым делом, сразу по приезде в Заднепровский дворец, мы вместе с князем и его ближниками героически отстояли на хорах Петропавловской церкви многочасовой торжественный молебен. Главный городской Успенский собор князем и его семьей традиционно посещался лишь по большим религиозным праздникам (вроде Рождества, Пасхи). Церковную службу вел сам глава Петропавловской церкви отец Арсений.

Петропавловская церковь была возведена во времена правления (1125–1160 годы) смоленского князя Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Церковь лично освятил первый смоленский епископ Мануил. С архитектурной точки зрения церковь Петра и Павла представляла собой классический одноглавый крестово-купольный четырехстолпный храм с примыкающими тремя высокими апсидами и главой на массивном двенадцатигранном барабане, опирающемся на квадратный постамент. Внутри церковь была украшена красивыми раз-

ноцветными фресками и процарапанными надписями-граффити, некоторые из них принадлежали князю Ростиславу Мстиславичу – строителю храма.

Построена Петропавловская церковь, как и большинство церквей этого времени, из узких глиняных кирпичей – плинфы, скрепленной известковым раствором. В фундаменте были заложены булыжники на глине. Наружная декоративная отделка строения была достаточно скромна и аскетична. Она выражалась лишь в поясе небольших арок, вертикальных выступах в виде лопаток и пилястр, а также полуколонн.

По окончании молебна, следуя недавно приобретенному обычаю, я изучил и облазил все подворье. На территории Городенской княжеской резиденции во множестве присутствовали хозяйственные постройки: хлев, амбары, погреб, а также хранилось несколько сотен стогов сена, для обеспечения припасом многочисленной дружинной конницы. В этот же Заднепровский правобережный двор свозились и все натуральные дани – сани, битком набитые рыбой и головами воска.

Затем, ближе к вечеру, под моим присмотром слугами была убрана и приведена в приемлемое состояние моя здешняя опочивальня. Она мне, кстати говоря, очень понравилась. Мои здешние хоромы состояли из двух небольших комнат: передняя (сени) комната впоследствии служила кабинетом. И потом когда я несколько позже переехал сюда на ПМЖ, то мог спокойно выбираться из своей комнаты, следуя до домово́й церкви и не выходя при этом на улицу, двигаясь переходами через ныне пустующие женские хоромы, предназначенные княгине и детям.

Сегодня я еще успел перед сном, естественно, вместе со своими дворянами (куда ж без них!), посетить топившуюся по-черному баню! Но, к своему немалому разочарованию, там я не столько вымылся, сколько перепачкался золой (мыла-то не было, поэтому натиралась смесью золы с песком). Тем не менее впечатлений и в этот день я поднабрался под завязку, поэтому завалился спать без задних ног.

Через несколько дней шумной толпой мы вернулись из Заднепровья обратно в Свирский дворец, считающийся в здешней дворцовой иерархии главным.

Духовник Изяслава Мстиславича, что теперь вновь стал служить при домово́й (дворско́й) церкви Архангела Михаила, отец Варлаамий, как уже говорилось, по совместительству был еще и моим духовным отцом. При общении с ним я не столько исповедовался в грехах своих тяжких (таких, как чревоугодие, зависть и в том же роде, при этом не помяная ни словом о реальных психико-душевных проблемах), сколько изучал латинский с греческим. Особенно тяжело, по понятным причинам, мне давался греческий. Хорошо хоть, что значения очень многих греческих слов мне раньше были известны – аристократия, архив и другие. И даже, о ужас, я по старой памяти занялся новым словообразованием, придумав, например, непонятное на непросвященный взгляд слово «баллистика».

В общем, с Варлаамием мы занимались привычным чередом, заведенным еще в Зарое. При этом я, по мнению Варлаамия, во всех науках прогрессировал на удивление быстрыми темпами. Он даже признался князю, что уже скоро не будет знать, чему еще княжича учить! Ну, да у меня по этому поводу имелись собственные мысли, которые я намеревался в ближайшее время реализовать на практике. А у Варлаамия, кроме языков, мне уже, действительно, нечему было учиться!

А вообще, Смоленск сейчас являл собой довольно печальное зрелище. Народное столпотворение по поводу появления нового-старого князя Изяслава Мстиславича, в первый день нашего приезда создавшее у меня ложную иллюзию многолюдности столицы, рассеялось, как дым, в первые же мои выезды в город. Так неприглядно на столице сказывались последствия многолетнего голода от неурожая и морового поветрия, обезобразившие и опустошившие некогда величественный и один из самых крупнейших городов Руси.

Главная городская рыночная площадь, или просто Торг, совмещенный с бревенчатой речной пристанью, выполнял еще и функции места сбора общегородских вечевых собраний. Сейчас же, когда я ее медленно пересекал верхом на коне в компании Перемоги и нескольких гридней, моему взгляду открывалась совсем не радостная картина запустения. Торговые ряды, окружавшие полукругом площадь, почти не функционировали. Прогнившие, растрепанные лавки с сорванными дверями понуро стояли нараспашку, являя всем прохожим свои пустые, черные зевы. Вялая торговля велась лишь в двух десятках лавок из более чем сотни наличествующих. По рынку бесцельно, еле волоча ноги, бродили какие-то невзрачные личности, кучкуясь и переговариваясь о чём-то друг с другом.

Общая обстановка была совсем унылая. Не было слышно ни смеха, ни детских криков, ни громких, зазывающих призывов купцов, ни азартного, до ожесточения, торга, неизменно возникающего между покупателем и продавцом. Лишь где-то на периферии сознания слышалось жалобное мычание коров и недовольное, нервное похрюкивание свиней. Перемога тоже услышал эти звуки.

– Должно быть, животинку сюда на продажу али на убой пригнали. Слышишь, княжич, из хлевов ветер доносит?

Я молча кивнул наставнику, переведя взгляд на здоровавшихся со мной монастырских чернецов Смядынского монастыря, уверенно рассекающих по улице в своих черных балахонах.

– Видать, с монастыря скотину пригнали! – тихо проворчал Перемога, когда мы разминулись со стайкой монахов. – Точно! Мычат от монастырских амбаров, – еще раз прислушавшись, сделал он однозначный вывод.

«Кому война, а кому мать родна», – только и подумалось мне, но вслух ничего не ответил. Я смотрел на полоску серого неба, незаметно сливавшуюся с грязным, лежалым снегом. И все это на фоне покосившихся, черных от времени зданий, оккупированных вольготно усевшимися на заборы и коньки крыш стаями каркающего воронья. Мрак, одним словом!

Поблуждав так по городу, в сгущающихся сумерках мы повернули своих коней на выезд из этой обители скорби и печали. У Изяслава Мстиславича на подворье было куда как живей и веселее, – сделал я однозначный вывод.

На седьмой день моего пребывания в Смоленске распорядок дня в основном вернулся на круги своя, в привычную, еще по жизни в изгнании, в Зарое колею. Этому не очень приятному для меня обстоятельству весьма поспособствовал приставленный к моей особе пестун Перемога. Дело он свое знал, поблажек почти не давал, вот и сейчас Перемога инструктировал своего главного подопечного.

– Не так, княжич, смотри на меня, как надо, – говорил пестун, чье тело уже принимало боевое положение, – движения делай мягше, и локоть правой руки сильно вверх не задирай.

Следуя этим несложным инструкциям, я отпустил натянутую тетиву, стрела глубоко вошла в тело полуметровой круглой мишени.

– Хватит, дядька, сам видишь, в мишень я попадаю, давай лучше меня на мечях пообучай.

Учиться стрелять из лука было откровенно лень, особенно в свете вынашиваемых мной планов по изготовлению арбалетов и ружей.

– Верно, попадаешь, – согласился Перемога, – но до настоящего лучника тебе еще лет пять ежедневно заниматься стрельбой надоть. Тогда с такого расстояния будешь не в чурбак попадать, а в самый глаз белки. А мечами после обеда займемся!

– Некогда будет. После обеда уеду по делам! Так что давай напоследок на мечях разо-мнемся.

– Дела, дела, – передразнил Перемога меня, – дела твои должны быть в ратном учении токмо!

– Перемога, не забывай, что я не только воин, но и князь, – парировал я возражения дядьки-пестуна, – а князьям надо уметь не столько в беличий глаз попадать, сколько разумно управлять своими людьми. Так что не бурчи!

– Куда ты хоть собрался? Князь, кстати, тебя отпускал? – недовольно сверкнул глазами наставник.

– Отец знает. Кузнецу хочу самострел особый заказать.

– Тьфу... – от досады сплюнул Перемога, – на кой ляд он тебе нужен? Ежели ты был бы косоруким неумехой, то да, а так лук во всех делах ратных для тебя и лучше, и сподручней будет, особенно верхом на коне.

– Скажи-ка мне, дядька, – спросил я, хитро прищурился, – а ты закованного в добрую броню воина стрелой сможешь пробить?

– На совсем краткое время оглушить, сбить с ног, нутро чутка отбить – то да, – рассуждал Перемога, – если броня на самом деле добрая, то пробить ее стрелой можно, если только совсем в упор стрелять, и то как повезет.

«Правильно, – подумал я, – особенно если учесть, что в наконечниках стрел редко используют закаленную сталь, а в основном мягкое железо».

– А мой самострельный болт пробьет, – продолжил я пикировку, – потому как сила натяжения самострела много выше, чем у лука.

– А вот тут ты, княжич, – хитро улыбнулся Перемога, – не совсем прав, поэтому я и говорю, что учиться тебе надо стрелой в глаз белки попадать. А нужда будет, так тому же рыцарю в глаз или другую бездоспешную щель, как той белке, всадишь. И никакой самострел тебе не надоть будет! – сказал пестун и с торжеством посмотрел на меня.

– Так самострел я буду делать много мощней нынешних, – я говорил тоном человека, абсолютно уверенного в своих словах, – а во-вторых, ими можно будет вооружить ополченцев, ведь мало кто из них хорошо луком владеет, а самострел в самый раз им придется. Бьет мощнее лука, а обучиться стрельбе за день можно.

– Ну, – Перемога почесал затылок, – коли так, то да... хотя, с другой стороны, не особо хорошо выйти может.

– Ты это о чем? – спросил я у засомневавшегося пестуна.

– Опаска меня берет. Самострелы смердам выдавать... о таком я еще и не слыхивал. Хотя, – Перемога махнул рукой, – сколько этих самострелов будет, несколько десятков погоды на бранном поле не сделают! По разу пульнуть успеют, десяток воев завалят, а потом за топоры, как привыкли, схватятся. – Тут он опять задумался. – Но урон лишней самострелы врагу нанесут. А в битвах пустяков не бывает, потерять в начале боя десяток добрых воев для супротивника может уже через час стать той не хватающей для победы последней каплей. Так что дело ты задумал верное, одобряю.

«Да ты, дядька, прям философ, знал бы ты еще, что арбалеты будут, по моим планам, исчисляться не десятками, а сотнями. И в ополченцы я планирую брать не взбалмошных вечевых горожан, а самых распоследних крестьян и холопов. Только бы производство запустить да деньжатами разжиться», – подумал я, но не стал озвучивать столь крамольные мысли. Согласился пестун со мной, вот и ладно.

Не успел я расстрелять из своей тулы все стрелы, как самые пронырливые, тренирующиеся вместе со мной дворяне тут же побежали к мишени и быстро принялись выдергивать стрелы, видать соревновались, кто больше стрел княжичу принесет.

Далеко идти, чтобы заказать изготовление арбалета, не требовалось. Князь имел собственную кузню с домницей и лучших мастеров. Я по вышеозначенному вопросу обладал главным образом лишь теоретическими знаниями, но сдаваться не собирался. Пошли вместе с Перемогой, никого из дворян с собой брать не стал, чтобы не создавать излишней сутолоки и шума.

Если с устройством ложа мы разобрались довольно быстро (винтовочной формы, с эргономичным прикладом), то с замком и воротом случился полный завал.

– Впервые слышу, чтобы на самострелах дуги из уклада⁷ делались! – воскликнул удивленный Перемога. – Составная дуга из дерева и рога, как у луков, то да, есть такое, а из уклада... – растерянно взревел Перемога, а находящиеся рядом мастера согласно поддакивали.

– Кроме того, из железа будем делать несущую часть ложа, а также натяжной реечно-редукторный ворот, – бодро заявил я, чем окончательно добил всех присутствующих при разговоре.

– А чьи, княжич, мне прикажешь укладные мечи на дуги к самострелу переводить? Ты, Изяславич, верно, не знаешь, чтобы хороший меч из уклада выковать, нужно дорогое немецкое железо не один день перековывать! – возмущенно вопрошал старший кузнец.

Я на краткий миг задумался, вспоминая самую простую из известных мне технологий получения стали, а потом выдал:

– Точных пропорций не знаю, но попробуй смешать чугуны... э... вы вроде его свиное железо называете и за ненадобностью, если оно в горне образуется, вместе со шлаком выбрасываете... – Когда все разобрались, о чем идет речь, я продолжил: – Так вот, чугун надо с мягким кричным железом переплавить, в запечатанных горшках, без доступа воздуха. Хотя в следующий раз можно будет попробовать вовсе обойтись без чугуна, должно хватить и простой железной крицы. Надо будет и так и этак испытать. Так вот, очень важно добавить в горшок известь – для удаления из металла вредных серных и других примесей. Глину горшечную надо использовать огнестойкую, керамическую. Правда, чтобы чугун расплавился и закипел, вам придется попотеть, ему жара надо больше того, чем вы используете сейчас для расплавки железной руды.

– Уголь в горшок кинуть?

– Не надо, нам хватит и частиц угля, содержащихся в дыму! Достаточно будет, если вы просто горшок будете обжигать в угле. В начале разогрева крышку тигля можно держать открытой, но как только его содержимое, то есть железо или железо/чугун, начнет плавиться, горшок нужно будет плотно закупорить, а то от переизбытка угольного дыма мы вместо уклада получим чугун!

Как я впоследствии убедился, на Руси не знали и не применяли тигельного способа получения стали. Не встретился мне и способ цементации (то есть науглероживания поверхности или всей массы железного изделия), если не считать закалки клинка в крови животных.

Железо получали в сыродутной печи (или в домнице), смешав и переплавив древесный уголь и руду. Полученную железную крицу помещали в кузнечный горн и засыпали углем. При нагреве происходило науглероживание железа, в определенный момент кузнец вынимал крицу и охлаждал ее в воде или снегу. Стальная поверхность крицы получала закалку и становилась хрупкой, кузнец оббивал ее молотом, при этом сталистые чешуйки отлетали от корки крицы. Их собирали и повторяли операцию, пока вся крица не закончится, превратясь в стальные пластинки. Затем эти пластинки обычным способом сваривают между собой. Так, долго и трудно, с огромным расходом материалов, получалась сварочная сталь (уклад).

– Хм... попробуем спытать, – неуверенно пробубнил старший кузнец. – Придется особую горшечную печь для этого сложить.

Тут же все присутствующие разом принялись обсуждать идею княжича, позабыв, для чего они вообще здесь собрались. Появились гончары, и приутихшее было обсуждение разгорелось с новой силой. Как мог, я описывал знакомый мне лишь теоретически процесс тигельной плавки стали. Начали раздаваться вопросы, откуда это княжичу известно, но я ничего определенного ответить не мог, дескать, предполагаю, что так надо, и всё! При этом все время

---

⁷ Уклад – сталь.

вставлял волшебное слово «логика». Говорильня продолжалась бы еще долго, но при помощи Перемоги порядок вскоре был восстановлен, и вновь я был атакован вопросами, теперь уже касающимися устройства арбалета.

– А запирающий тетиву замок зачем железный делать, из ясеня ведь проще выйдет?

– А выдержит ли он давление тетивы в два-три десятка пудов, а? – подначил я мастера.

– А на шо такая тугая нужна? Ведь самострел мы делаем не крепостной?

– А тех же рыцарей немецких на поле боя ты каким х... останавливать будешь? – закричал я, войдя в раж, окончательно озверев от мастеров. – Сказано вам уклад и железо – значит, из того и делайте! Самострел сначала можно и нужно целиком из дерева выточить, поупражняться со всеми его новыми, диковинными устройствами, а уж потом все в металл перевести. Ясно?!

Перемога неожиданно поддержал своего воспитанника:

– Что, олухи, молчите? Как княжич объясняет, так и делайте!

Мастера сразу потеряли все свои доводы для возражений и наконец приступили к более предметному разговору.

– Тетива должна будет накладываться на роликовый замок. – Пришлось пояснить мастерам свой рисунок на бересте.

Тут же ожидаемо раздалось:

– Что такое ролик?

– Он походит на колесико, вот оно показано на рисунке. Его вам надо будет в действующем самостреле изготовить из уклада. Как вы видите, – я водил пальцем по своему рисунку, – ролик имеет спереди выступ для тетивы, а с обратной стороны упор для шептала, удерживающего ролик от проворачивания под действием натянутой тетивы. Ролик надо посадить на металлическую ось и с двух сторон ось хорошо закрепить, чтобы ролик под напряжением не выскочил из гнезда и в то же время мог бы в гнезде свободно проворачиваться на оси.

По ходу разговора выяснилось, что княжеская кузница самостоятельно может и не справиться, необходимо привлекать сторонних мастеров-замочников (для выделки тех же пружин), а также мастеров-серебряников (ювелиров) – для производства мелких деталей.

«Производственное совещание», но уже с привлечением посадских мастеров было перенесено на следующий день. Я, как мог, объяснял устройство относительно простого и в то же время очень надежного замка. Еще больше вопросов возникло по устройству ворота: он работал по принципу домкрата, представляя собой реечную гребенку, по которой при вращении двигался редуктор. Но кое-как, с божьей помощью и какой-то матери, со всем более или менее разобрались, мастерам были розданы задания.

На следующий день я опять направился в кузню. Местный пролетариат меня встретил настроенными взглядами, не зная, что нового выкинет юный княжич. Их потаенные ожидания в полной мере подтвердились. Не долго я смог спокойно наблюдать за ручной проковкой. Некоторое время я размышлял, как механизировать работу молотобойцев. Прикинув, что мастерить ворот на конной тяге дело слишком долгое, я решил остановиться на простом блоке. Дождавшись окончания расковки слитка, я позвал кузнецов в сени, те было принялись в очередной раз обсуждать устройство арбалета, но я их разглагольствования пресек на корню новым откровением.

– Придумал я, как можно молотить большим весом, прилагая при этом меньшую силу.

В этот момент стоило увидеть вытянувшиеся от удивления лица окружающих. Вглядевшись в них и не заметив во взглядах явного скепсиса, я, вооружившись щепками, принялся объяснять свою немудреную задумку.

– В качестве молота послужит тяжелая чугунная болванка, подвешенная при помощи ремней на деревянных блоках. Удар таким молотом будет получаться сильнее не только из-за тяжелого веса болванки, но и за счет большей высоты подъема.

– Только бить такой подвесной молот реже будет, – первым очнулся посадский кузнец, быстро уловивший суть предложенной мною простейшей механизации.

– Зато удары будут много мощнее, а потому лучше будут из железа шлак выгонять, – тут же нашелся я, что ответить. – Делов-то тьфу! Найти бревна, ошкурить их, установить под потолком в ячейках, чтобы могли вращаться, пропустить между ними ремень, отлить болванку потяжелее – и готово! За пару дней управитесь!

– Мысля, княжич, у тебя интересная! – согласился кузнец. – Приспособы для еного дела не больно хитрые, должно все получиться! Пару дней не пару, но за седмицу точно все сладим!

Забегая вперед, скажу, что только через полгода (!!!), несмотря на мое страстное желание подогнать этот процесс, арбалет, или по-здешнему самострел, наконец-то был изготовлен и готов к применению. Как говорится, если долго мучиться, то что-нибудь получится.

Вот его некоторые ТТХ.

Выполненный в металле ворот вышел довольно тяжелым – порядка 3 килограммов. Хотя при вращении рукояти и требовалось малое усилие, но сам процесс натяжения тетивы до запорного механизма занимал около 20–30 секунд, что, следовательно, обеспечивало скорострельность до трех выстрелов в минуту. Стальные дуги были длиной около 50 сантиметров и вывернуты наизнанку (в противоположную от стрелка сторону), что увеличивало ход тетивы и уменьшало габариты. Вес болта – 70 граммов, длина – 30 сантиметров, наконечник – четырехгранный, древко болта оперено двумя деревянными пластинами. Сила натяжения арбалета не менее 400 килограммов (для сравнения: сила натяжения восточного составного лука порядка 40–50 килограммов; английского простого лука – до 30 килограммов, а мощность современных арбалетов, использующих рычажный взвод типа «козья нога» или вовсе взводной поясной крюк, была в пределах 100–150 килограммов). Но опять же, всем этим вооружением нужно уметь еще правильно пользоваться.

С дистанции до 100 метров болт уверенно пробивал 1,5-миллиметровую стальную пластину (к слову, современный средневековый немецкий арбалет даже миллиметровую стальную пластину не пробивает). Чтобы понять всю убойную мощь получившегося арбалета, достаточно сказать, что ныне самый распространенный доспех воина – это кожаное покрытие с железными пластинами толщиной не более 1 миллиметра, либо кольчуга.

Прицельная дальность стрельбы около – 85 метров, максимальная – до 250–300 метров (в зависимости от погодных условий и рельефа местности). Соответственно, и убойная дальность поражения не меньшая.

Численность дружины Изяслава Мстиславича начала расти как на дрожжах, заполняя остававшиеся вакантные места. Терпящие из-за неурядиц убытки смоленские купцы сильно сокращали или же и вовсе распускали свои отряды. На рынок труда оказались выброшены десятки профессионалов, коих князь по результатам «собеседований» старался устроить под своей крышей. Благо деньги у него еще водились. Когда Изяслав Мстиславич в прошлом году в спешке покидал столицу, то успел захватить с собой всю свою великокняжескую казну.

Поэтому я периодически навещался в Дружинную избу, знакомясь с контингентом новоприбывших. В помещениях было темно. Хорошую иллюминацию здесь устраивали лишь по праздникам, зажигая стенные подсвечники и паникадила, висящие под потолком. Восковые свечи стоили денег, и понапрасну их не жгли, стараясь обходиться вместо них более дешевыми эквивалентами – дурно пахнущими сальными свечами, лучинами или смоляными витнями (факелами). В избе, как, впрочем, и всегда, царила удушливая атмосфера, что, в общем-то, и неудивительно. Полторы сотни тел в ограниченном, замкнутом пространстве всегда создают удушливую атмосферу. Плюс не очень приятным ароматам способствовали специфические осветители органического происхождения.

Народ кучковался по кружкам-интересам: два десятка дрыхли на лавках, уставленных вдоль стен, кто-то за огромным дружинным столом играл в зернь, или в кости. Но большинство бодрствующих азартно резалось в *домино*. Кто автор сего «изобретения», думаю, пояснять не надо. Делов-то – заказать у плотников деревянных пластинок с выковырянными точками! Князя вместе с ошивающимися в его обществе более высокопоставленными гриднями и боярами я тоже часто заставлял за игрой, набравшей, с моей легкой руки, бешеную популярность. Заразительная, вирусная игрушка получилась. Сначала мы с младшими дворянами «втихаря ею забавлялись, потом эта зараза распространилась на взрослых дворян и младшую дружину, а перед отъездом в Смоленск в домино увлеченно играл, наверное, весь городок Зарой.

Находящиеся в должностях от десятника и выше имели в тереме собственные комнатки и закутки. Остальные дружинники обитали в дружинной избе, весьма похожей на казарму. Первый этаж избы перегородкой был разделен на две части: в одной половине обитали дворяне (детские – вольнонаёмные, и отроки – холопы), в другой, более просторной – гридни. Многие старшие дружинники (бояре и командиры), имеющие жилье в городе, постоянно ни в избе, ни в тереме не жили, появляясь там лишь по делам службы, ну или во внеслужебное время, например, оставаясь переночевать после бурного пира с обильными возлияниями.

После переезда в Смоленск Изяслав Мстиславич слегка реорганизовал свою дружину. Часть дружинников перевел из младшей дружины («гридней») в старшую («бояр»), выдав им жилье в городе, пустующих дворов из-за болезней и голода хватало. А многих дворян, из числа детских (вольнонаемных), Изяслав Мстиславич перевел в более престижную категорию – в гридней (в младшую дружину).

Освободившиеся было вакантные места в гриднице долго не пустовали. Ежедневно на княжий двор приходили группки людей, по одному-два человека, желающие записаться (детские) или запродасться (отроки) в дворяне. Княжеские гридни проверяли воинские умения соискателей, заворачивая большинство претендентов. Тем не менее медленно, но верно дружинная изба и гридница в тереме заполнялись новобранцами.

Все игроки привстали со своих мест и легким поклоном головы поприветствовали мое появление в их обществе. Все чаще в последние дни мне на глаза попадались ранее не известные, новые лица. Я не брезговал подходить к новичкам и знакомиться с ними. Вот и сейчас за столом сидело два парня, принятых, по всей видимости, вчера на службу. Оба во все глаза наблюдали за новой для них игрой, изучая ее несложные правила. Заприметив их еще издали, я сразу подошел к ним и поинтересовался.

– Здорово, дружинники! Кто такие и откуда будете?

Ответил старший:

– И тебе поздорову, Владимир Изяславич. Бывшие купеческие дети⁸, два лета служили смоленскому купцу Мытанову, пока он от болезни не преставился. А сами-то мы двуродные братья. Я зовусь Сбыславом.

– А я Елферий, – тут же представился второй.

За соседним столом кто-то хрюкнул, раздалась смешки.

– Да какой с тебя Елферий?! Еля – и буде тебе!

– Не! Еще рано ему Елферием зваться! – авторитетно заявил мой старый, заройский знакомец гридень Ключ, повышенный недавно «в звании» до десятника.

Я еще раз окинул взглядом новиков – доходяги, да и только! Голодали, видать, парни!

– Хватит зубоскалить, Ключ! Или ты хоробрствовать вздумал? – откуда-то нарисовался Малк, хоть и оставшийся по-прежнему десятником, но получивший от князя собственное жилье в Окольном городе. – Давно ли ты сам гриднем стал?

⁸ То есть вольнонаемные купеческого отряда.

Клоч замешкался, не зная, что ответить. Уж больно порубленная и неправильно сросшаяся физиономия Малка да репутация отменного бойца отбивали напрочь у всякого здраво-мыслящего человека желание вступить с ним в дискуссию.

– Княжич, садись, с нами сыграешь! – послышалось вполне ожидаемое предложение от Станилы, двадцати четырех лет от роду, уже в Смоленске перешедшего из категории «детских» в гридни.

– Забавную игру ты измыслил. Играешь, играешь и наиграться не можешь!

– Ага! – подтвердил Клоч. – Не успеешь оглянуться – и день прошел!

В это время в избу ввалилась пара десятников в лице Аржанина и Бронислава. Дружинники их появление практически и не заметили. Дисциплина та еще!

– Хватит бездельничать! – рыкнул Бронислав.

– Все новики во двор, натаскивать вас будем! – не менее воинственно заявил Аржанин, сведя руки за спиной.

Народ в гриднице потихоньку зашевелился.

– Десяток Твердилы тоже с нами пойдет, поднимайте свои кости и поживее! – злобно оскалился Малк. – Покажите молодым свои умения, а то совсем скоро жиром зарастете!

– А сам Твердила где? – поинтересовался молодой гридень Нежка из десятка Твердилы.

– Где-где? На луне! – заржал во весь голос Бронислав. – У князя в тереме воет, аки волк!

Все присутствующие понимающе заушмылялись. Твердила – это был кадр! Лично я его совершенно трезвым еще ни разу не видел.

Из-за спин гридней откуда-то вынырнули мои младшие дворяне.

– Княжич! – с порога закричал Вториж. – Там, во дворе, тебя барчуки кличут, играть зовут!

– Во что? – с мукой в голосе спросил я.

– Снежная горка подтаяла, снег в лед обратился. Борзо с ней спускаться на салазках стало!

– Не хочу! Без меня обойдетесь! – заявил я тоном, не допускающим возражений.

Вот еще! Не хватало мне по дурости промокнуть по такой погоде.

– А ты что будешь делать? – никак не унимался меченоша.

– Пойду в кузню...

– Мы тогда с тобой! – с решительностью в голосе заявил Усташ.

– Как хотите, можете идти с барчуками поиграть, все равно вас в кузню не пустят, будете у дверей без дела толкаться.

– Ну да! Ну, мы тогда с барчуками за двором поиграем, если что – кликнешь. С тобой будет Усташ.

– Что ты тут раскомандовался?! – со злостью ощерился на Вторижа Усташ. – Или возомнил себя начальным человеком?!

Пикировку приятелей я пропустил мимо ушей, мысли мои переключились на злосчастный арбалет, что пока никак не получалась полностью собрать даже хотя бы в деревянном виде.

– Идите уже! Не мешайте играть! – недовольно крикнул на младших дворян кто-то из заядлых игроков. – Токмо с толку сбивают! – пробурчал он, пересчитывая своим толстым пальцем дырочки в выданных ему костяшках домино.

Возвращаясь в терем с кузни, злой как черт, натолкнулся на бояр, которых я просто органически не переваривал. Очередное совещание с князем у них, видать, закончилось, и теперь они, разодетые, словно попугаи, в парчовые шубы, пошитые золотой нитью, в усыпанных жемчугами шапках, с подвешенными на поясах мечами в богатых ножнах, держа в руках посохи, вальяжно выплывали на крыльцо. Пришлось, соблюдая политес, с ними некоторое время расшаркиваться.

В течение первой недели пребывания в Смоленске я сумел изучить рабочий график великого смоленского князя. Он с первых дней устоялся и далее не подвергался существенной ревизии. Если не случалось каких-то экстраординарных событий, вроде грандиозных попок и выездов на охоту, то распорядок рабочего дня Изяслава Мстиславича выглядел примерно следующим образом.

Большую часть времени «на рабочем посту» князь проводил в общении с многочисленными смоленскими родовитыми боярами. Они вставали с восходом солнца и дули во дворец. Изяслав Мстиславич в это время, одетый при помощи спальников по заведенной ранее предшественниками традиции, отбывал заутреннюю службу, слушая молитвы своего духовника.

А бояре в это время уже начинали съезжаться во дворец и по цепочке «просачивались» в переднюю княжеских хором. Здесь они усаживались по только им ведомому старшинству на лавки и начинали обсуждать свои дела. Причем отсутствие князя их нисколько не смущало. Такие посиделки проходили по понедельникам, средам и пятницам. Исключение составляли разве что большие праздники, на которых все отдыхали. Ну что поделывать, если еще нет ни ТВ, ни Интернета, ни газет, а новости, особенно деловым людям, получать откуда-то надо, вот им и приходится посещать «информационный центр» при княжеском тереме.

Но в первую очередь эти визиты бояр к князю были вызваны тем, что имелся ряд вопросов, решение которых целиком и полностью находилось в компетенции только княжеской власти. Бояре в этих случаях никак не могли действовать ни самостоятельно, ни через вече или еще как-то в обход князя, без его одобрения. Этими животрепещущими проблемами, очень волнующими бояр, были вопросы расширения вотчинных земель, формирования новых погостов, где тиунами и волостелями выступали бы сами бояре-просители либо их родичи, а также получения иных хлебных должностей.

А должностей таких была прорва! Князь назначает бояр воеводами по городам. Из бояр князь выбирал посадников, ведавших судом в городах княжества. Все тиуны – городские и сельские – назначались князем. Тиуны не только являлись управителями княжеского вотчинного хозяйства, но и отправляли судебные обязанности, а также осуществляли чисто полицейские функции, например, тиун на волоке обязан был наблюдать за порядком при погрузочно-разгрузочных работах.

Только таможенники избирались на вече из числа купцов или бояр. Они занимались сбором торговых пошлин, фиксацией ввоза и вывоза товаров с территории княжества. Рядовые сотрудники таможни назывались куноёмцы.

Даже из этого усеченного перечня боярских должностей, отправляющих княжескую службу, становится понятно, что множество бояр являлись в княжеский дворец еще и по долгу службы.

Еще одной, не менее веской причиной частых встреч бояр с князем была группа вопросов, если так можно выразиться, совместной компетенции. Это те вопросы, что не могли быть решены князем самостоятельно, без поддержки общегородского веча. На нем хоть и собиралось все свободное население города, а все же бояре на этих собраниях, беззастенчиво пользуясь своим влиянием на мизинных людей, играли здесь первую скрипку. Как-то всерьез менять внутренние порядки, издревле заведенные в княжестве, без одобрения веча князь не мог. Он имел право издавать новые постановления, но, прежде чем из княжеской канцелярии выйдет какой-нибудь акт, вопрос предварительно обсуждается, разрабатывается и решается на совещании князя с вечем. А еще предварительно, как показывает здешняя практика, чтобы князю по поднятому им вопросу не осрамиться и не нарваться на отрицательное решение городского веча, лучше заранее подстраховаться и обсудить его в узком кругу, с наиболее влиятельным боярством и епископом.

На дипломатическом поле князь тоже имел ограниченный простор для манёвров. С ним сносятся князья других княжеств, к нему обращаются иноземные правительства и купцы. Он

отправляет посольства. Но во всем этом князь участвует не единолично, а вместе с боярами. Бояре подписывали вместе с князем договоры с соседними государями и подобно князю целовали крест в их выполнении. Также бояре отправляют посольскую службу.

Широки полномочия князя в области судопроизводства, но при условии, что князь в толковании споров опирается на соответствующие нормы «Русской правды». Князь мог осуществлять судопроизводство лично или через своих чиновников. Присяжные грамоты пишутся от его имени. Но и здесь, опять же, бояре часто привлекались князем для судебных разбирательств, помогали князю выявить истину в судебной тяжбе. А в провинциальных городах княжества судом вообще заведовали местные посадники. Судебные исполнители именовались «детские». Они арестовывали виновного, взыскивали долги, выдавали должника «головой» кредитору. В их пользу шла часть платы с истца.

Помимо светского существовало еще и церковное судопроизводство. В Смоленске оно вершилось в епископских палатах, на территории бывшего детинца, в присутствии местной знати, игуменов, приходского духовенства (попов) и черноризцев. На этом судилище мог присутствовать и князь.

Сам суд, что церковный, что княжеский, был довольно прост и незатейлив. Церковные или княжеские слуги приводили обвиняемого из мест заключения – городские тюрьмы, поруби, церковные дома или монастыри. Затем вели обвиняемого по центральным улицам города, что позволяло горожанам вволю поизмываться словесными оскорблениями и даже побоями над этим горемыкой. Простой народ набивался в епископальный или княжеский двор, скапливался на окрестных улицах и площадях – количество зрителей напрямую зависело от резонанса данного конкретного дела. Сам судебный процесс не отличался справедливостью и скорее напоминал расправу. Решение по тому или иному делу почти всегда было заранее известно, варьировалась зачастую лишь тяжесть самого наказания. Но в любом случае последнее слово, в зависимости от юрисдикции суда, оставалось за князем или епископом.

А вообще непосредственно до судов, из-за их коррумпированности и предвзятости, доходило мало дел. Стороны пытались решить все свои разногласия полюбовно или во внесудебной форме разбирательства.

Важной функцией, которую, слава богу, у князя еще не успели отнять, была, выражаясь современным языком, регистрация гражданских актов. Князь прикладывал свою печать и скреплял ею коммерческие договоры. Это мне в будущем должно пригодиться, существенно облегчив мою деловую активность.

Близкую связь с князем имело и смоленское купечество, оно было, благодаря обширным торговым связям и поездкам за границу, самой информированной частью общества. Смоленское купечество делилось на сотни, из которых каждая имела своего патронального святого, в его честь строилась церковь, бывшая центром торгового товарищества, хранительницей его товаров. Кроме того, за пределами княжества смоленские гости также могли организовывать общины, как это было сделано в Прибалтике. Во главе этих зарубежных общин стояли сотские, старейшины, к которым прежде всего и следовало обращаться в случае, например, неуплаты гостем долга кредитору.

Церкви при торговых площадях контролировали все торговые меры (веса, объема). Образцовые весовые капи для взвешивания товаров хранились в двух местах: в соборе и в католической (латинской) церкви. Наблюдением за взвешиванием товара (мед, воск, а также золото, серебро и драгоценные изделия) заведовали княжеские весцы, за что получали особую пошлину.

Кроме того, князь является предводителем смоленских ополчений, но последние участвуют далеко не во всех княжеских предприятиях, особенно за пределами княжества. В последний раз земские рати Смоленска участвовали в Липецкой битве, в 1216 году. Князь мог двинуть земские ополчения только с согласия веча, кроме того, на вече проговаривались и другие

организационные моменты, в том числе определялись конечные цели похода. Но и это еще не всё! Уже в самом походе смоляне могли на месте стоянки организовать вече, и решить, в случае возникновения каких-то непредвиденных обстоятельств, следует ли продолжать начатое военное предприятие, или лучше от него отказаться, или же изменить первоначальные цели похода. Даже казакам такая вольница не снилась! Водить такое излишне самостоятельное ополчение куда бы то ни было мне совсем не улыбалось.

Тысяцкий начальствует над смоленскими ополчениями и назначается на свою должность князем, но им не может стать человек из дружины князя, а только член местного смоленского боярства. Ниже его стояли сотские, они выбирались самими смолянами. Смоленск делился на концы, представляли их концекие старосты, избираемые на вече.

То есть так или иначе, а главную военную силу княжества составляло боярство. Смоленские бояре вместе с княжьей дружиной являлись ближайшими советниками князя во всех вопросах военной проблематики.

Но если смоленские бояре, несмотря на всю любовь, питаемую к княжескому терему, все же проживали у себя дома, то про княжескую дружину – гридней и дворян – я промолчу, эти вообще на постоянной основе были у нас «прописаны». Ладно хоть, они в основной своей массе были военными косточками, не склонными к подковерным интригам. Получался не дворец, а прямо-таки большая коммунальная квартира!

Картина получится не полной, если сюда не будут добавлены многочисленные княжеские слуги. По большей части фактически они были привилегированными холопами, то есть рабами, полностью зависимыми от князя, но выполняющими управление от лица князя в его дворцовом хозяйстве, личных уделах и волостях. Такими слугами были, например, ключники, тиуны и огнищане, заведовавшие и управлявшие княжеским хозяйством, удельными или вотчинными землями. Поэтому реальный властный вес таких княжеских «рабов» мог быть поболее многих бояр.

Больше всего беспокойства Изяславу Мстиславичу, да и мне тоже, по нижеизложенным причинам доставляла боярская «шобла», через день собирающаяся в княжеском тереме на междусобойчики. Обсудив свои дела, заботы и тревоги, быстро исчерпав все свои «профессиональные» темы, бояре неизменно переходили к никогда не иссякающему источнику для интересных разговоров – начинали сплетничать, перемывая косточки себе и другим.

Вот типичный и довольно распространенный меж боярами разговор о личности и поведении княжича, дословно переданный мне Вертаком.

– Что думаешь о нашем княжиче?

– Станный он какой-то. Не по годам разумный, да только откуда он мог такие разумения взять?

– Я своих сынов грамоте не обучаю, чай не дьяки, а родовые бояре, есть кому за них на бересте карябать!

– А на нас он смотрит так презрительно, будто мы его холопы.

– Ты думаешь, презрительно? Мне так кажется, что с еле видимой ухмылкой, да такой, какой он, как я заметил, поглядывает на шутов да гусяров.

– А ведь твоя правда! Бог, видать, ему разум затуманил, если над наибольшими людьми насмеяется!

– Да... лучше пускай книги читывает и про меж себя посмеивается, нам-то что! Не он же наш князь, а будет ли и когда – Бог ведает!

– Твоя правда! Поперед княжича имеются есчо старшие родичи!

После нескольких часов, проведенных в тереме, бояре, наконец, разъезжались по домам. Изяслав Мстиславич отдыхал или занимался своими делами, но с первыми ударами колокола к вечерне некоторые из «отмороженных» бояр могли за какой-либо надобностью заглянуть во дворец и проторчать там до ночи, без передыха работая главным боярским органом – языком.

Моими поистине любимыми днями недели стали вторник, четверг, суббота и воскресенье, так как, по давно заведенной традиции, в эти дни бородачи в горлатых шапках принципиально не гостили у князя. Могли объявиться в тереме или по персональному приглашению, или если, не дай бог, случается какое-либо ЧП общегородского масштаба.

Моей скромной персоне бояре уделяли внимание не только на словах, но и на деле. Если со своими дворянами и прочими детьми дружинников (главным образом бастардов, незаконно-рожденных), проживающих, как и их отцы, постоянно с князем, я в силу объективных причин общался в круглосуточном режиме, то с детьми смоленских бояр встречаться еще не доводилось. Но спустя седмицу с момента моего приезда в Смоленск бояре исправили это упущение.

После полудня бояре нашли меня в обществе моих дворян-оруженосцев и без лишних разговоров всунули в нашу устоявшуюся компанию своих отпрысков.

Барчуки тусовались во дворе. При моем появлении все низко склонили головы, послышалось:

– Здравствовать тебе, княжич!

– И вам всем не хворать!

Затем прошелся, знакомясь, по всему этому немалому шумному скопищу подростков. Барчуки все как на подбор были моими ровесниками (плюс-минус пару лет).

Князь, с боярами присутствующий при нашем знакомстве, с умильной улыбкой на устах, указав мне на сбившихся в кучу барчуков, сказал:

– Идите, на дворе играйтесь!

Только этого мне не хватало! Кто бы знал, как я «рад и жажду общения» с этими избалованными, сопливыми юнцами! Но слово князя закон, хочешь не хочешь, а придется с ними развлекаться. Вместе со своими дворянами я первым делом перезнакомился с молодой боярской порослью, стараясь запомнить их имена. Как оказалось, с некоторыми я был ранее знаком, вернее бывший хозяин теперь уже моего тела. От барчуков не укрылось то обстоятельство, что я никого из них совсем не помню. То-то будет теперь пересудов у родителей этих великосветских малолеток! Да и пускай языки мозолят! Им не привыкать!

Лучше всего людей сближает какая-либо совместная деятельность, детей и подростков – прежде всего игры. Но у местных с фантазией было туго, из коллективных игр, кроме догонялок и прятков, они ни во что более не играли. Недолго думая, сыграть я с ними решил в футбол, разделив подростков на две команды, благо численный состав подобрался подходящий для этой игры. Вкратце объяснив правила и набив шерстью кожаный мяч (правда, больше похожий на регбийный), мы весело принялись его гонять. Вечером барчуки с явным сожалением покидали подворье, до того их захватила новая игра.

В первый день среди подрастающего поколения для себя я выделил нескольких оболтусов, в будущем могущих мне быть полезными. По крайней мере, в них читался интеллект, присутствовала определенная харизма, сила воли и, соответственно, организаторские способности.

Притомившихся и вспотевших футболистов внимательно наблюдавший за «матчем» Перемога сразу же погнал в тепло, чтобы не простыли на улице. Усевшаяся передохнуть на лавки молодежь взахлеб болтала и пила квас, обмениваясь меж собой яркими впечатлениями от княжьей забавы. Я лишь польщенно принимал в свой адрес возвышенные дифирамбы, сохраняя при этом не свойственные моему возрасту спокойствие и степенность.

На следующий день я вместе с Перемогой и своими дворянами обедал в опустевшей гриднице. Князь с дружиной отправились на охоту, с ночевкой в селе Погоновичи. Прибыть в Смоленск они должны будут завтра вечером. В княжьем дворце сразу стало заметно спокойней и тише.

Еженедельно устраиваемые князем охоты были вовсе не блажью, а насущной необходимостью. Прокормить полторы сотни дружинников, регулярно находящихся при князе, можно было лишь периодически устраивая охоту на дикое зверьё, плотно заполнявшее местные лесные дебри. А если все потребляемое дружиной и дворней мясо покупать только лишь на рынке, то недолго и разориться. Свежая дичина – кабаны и олени – весьма недурственно дополняла суровый, по моим слегка избалованным меркам, рацион питания. Закончив обед, я хотел было направиться к плотникам, но был в сених перехвачен Завидом – сыном кузнеца.

– Эй, княжич, – окликнул меня внезапно вынырнувший из-за угла чумазый паренек лет тринадцати, – батя мой просил тебя, если сможешь, то вечером зайти, заготовки хочет показать.

– Лады, Завид, – ответил я, но видя, что сын кузнеца отчего-то замялся, спросил: – Что у тебя еще, говори!

– Это... княжич, – Завид из чумазого мигом превратился в красного, как рак, – хотел спросить, ты вот из Зароя себе в услужение смердов взял. Вот я и подумал, может, ты и меня к себе на службу возьмешь?

– А может, ты, холоп, кнута хочешь отведать, разреши, княже, мы его на конюшню сволочём, а то этот раб, похоже, ума в своей кузне лишился, – первым на речь сына княжьего холопа среагировал конюший Лют.

«Все-таки в Зарое я взял свободных смердов, а Завид – холоп, по сути раб», – подумалось мне, уже успевшему нахвататься местных предрассудков.

– Умолкни, Лют, – я сразу осадил не в меру ретивого подростка и, на несколько секунд задумавшись, ответил Завиду: – Значит, так, в дворяне, пока ты в холопстве, я тебя произвести никак не могу, может быть в будущем, если окажешься полезным для меня человеком...

От этих слов Завид приободрился и расправил ссутулившиеся поначалу плечи.

– Но для этого ты должен стать прежде всего грамотным, как, есть у тебя желание научиться читать, писать и считать, а?

– Есть, княжич! – с этими словами Завид бросился мне в ноги, горя желанием их облобызать.

– Встань!

Сын кузнеца нехотя поднялся.

– Кроме тебя из княжьих челядинов еще кто захочет учиться, как думаешь?

– Мыслю я, княжич, что захотят чуть ли не все!

От этих слов мне пришла в голову интересная мысль. Самому обучать челядинов мне уж точно не позволят, а вот дворяне – вполне смогут! «Всего-то делов – создать нечто вроде пирамиды образовательной, я учу четырнадцать дворян, а каждый из них по десятку челядинников, и будет у тебя через пару лет больше сотни образованных людей, а там их хоть в княжью канцелярию, хоть в тиуны, хоть куда угодно ставь!»

– Иди, и к вечеру собери мне всех желающих обучаться грамоте, с обоих княжьих дворов. Выбирай только от семи до шестнадцати лет, младше или старше названного мной возраста гони, они не подойдут.

– Где людей-то собирать повелишь? – спросил озадаченный Завид. Я задумался, а в разговор вступил меченоша Нерад.

– Княжич, отец твой с дружинниками на охоте, конюшни пустые, там челядь можно собрать.

– Так и порешим! – я рубанул рукой. – Давай, Завид, беги, собирай желающих учиться. А я подойду в конюшни к вечеру.

Завид низко поклонился и тут же сорвался в галоп.

– Княже, на кой тебе это надо? – рядом раздался густой бас Перемоги, заставшего конец разговора и прибывающего от него в слегка обалденном состоянии. – Что за блажь тебе в голову стукнула? Это же надо додуматься – холопов грамоте учить! Век тому не бывать, невместно

князьям в обучении вместе с холопами состоять, князь тебе это не позволит. Давай я велю всех челядинов разогнать, а Завида выпороть, а? – с надеждой в голосе спросил Перемога.

– Не надо, дядька. Я сам лично их обучать ничему не буду. Обучать челядинов будут мои дворяне, каждый из них получит своих учеников. А в начале следующей зимы я этих учеников у дворян лично проверю, какие они успели получить знания. – С последними словами я окинул взглядом внимательно прислушивающуюся к нашему разговору мою малолетнюю свиту. – Тот из дворян, кто лучше всех своих учеников выучит, получит от меня подарок, а если кто из дворян за полгода толком ничему своих учеников выучить не сможет, то такой ближник мне вообще не нужен будет, из дворян изгоню! – сказал, как отрубил, и уже пристально посмотрел на особо ярых «смердоненавистников». Те стояли притихшие, погруженные в глубокий мыслительный процесс.

«Ничего, привыкайте, я ваше средневековое болото быстро растормошу!» – думал я, улыбаясь с легкой издевкой.

– А как это всё, княжич, происходить будет? – спросил первым пришедший в себя Вертак.

– То, чему обучаю вас я, вы этому же обучаете своих учеников. Где их учить, когда, сколько времени – дело ваше, но исходить, я думаю, надо из их успеваемости.

– Так ты мне, княжич, так и не ответил, зачем холопам грамота? – опять встрял, будь он не ладен, Перемога.

– Из них потом выйдут хорошие воины, тиуны или писцы, а там видно будет, – недолго думая, ответил я своей назойливой няньке.

– Какие войны из них, смех один?! – не желал сдаваться Перемога.

– Дружинниками командовать, само собой, они вряд ли смогут, а вот, скажем, отрядами городских ополчений – вполне! Опять же, из них добрый чиновный люд может выйти, сам ведь знаешь, что князю толковых людей всегда не хватает.

Перемога без всякого энтузиазма, но согласился с моими доводами, сказав напоследок:

– Пускай сам князь решает, потакать твоей прихоти али нет, – и недовольно пробурчал: – Совсем, Изяславич, от твоих выходов у меня ум за разум заходит!

Толпа разгоряченных, раскрасневшихся от споров, буквально брызжущих эмоциями юнцов вывалила во двор. Мне все-таки удалось их убедить, что ничего зазорного в преподавании нет, даже наоборот, они, обучая челядь, сослужат княжичу добрую службу, так как подготовят грамотных людей, столь необходимых всему княжеству. Эти доводы их не очень трогали, а потому пришлось торжественно пообещать, что учительствовать они будут только два года, а затем будут раз и навсегда избавлены от этой тяжелой повинности. Ну а если кто все же пожелает продолжить преподавать, то я для того особую должность при князе измыслю. На том, к всеобщему удовлетворению, и порешили.

На улице было холодно, земля была покрыта еще не истоптанным свежеснеженным снегом, зима, несмотря на март месяц, все еще не желала уходить. Из конюшни доносились крик и ругань – кто-то кого-то пытался выпроводить, видимо что-то не могли поделить, но при появлении княжича со свитой сразу установилась мертвая тишина. Десятки и десятки юных глаз пристально уставились и принялись с затаенным страхом и любопытством рассматривать вошедших. Впрочем, нам тоже было на что посмотреть.

Собравшиеся в одном месте две сотни молодчиков отчего-то напомнили мне жертв немецкого лагерного геноцида. Все они были как на подбор одеты в нечто вроде бараньих тулупов, под которыми просматривались длинные, сношенные холщовые рубахи и портки, на ногах лапти, надетые поверх утепленных портянок. Ну чем не ученики?

– Слушайте, холопы, что вам княжич молвить хочет, – прервал установившуюся тишину Перемога и с сомнением посмотрел на своего подопечного.

– Мои дворяне возьмутся вас обучать в течение двух лет чтению, письму и счету. Всех нерадивых и дурней они будут отсеивать, каждый второй из вас будет моими дворянами отчис-

лен за неуспеваемость. Те из вас, кто сможет выдержать два года учебы, из грязных холопов превратятся в княжий служивый люд.

– Благослови тя Бог, княжич!

– Спасибо!

– Век молить за тебя будем!

Немую толпу вдруг разорвало криками, народ начал лезть друг на друга, из задних рядов в передние, желая лично высказать слова благодарности. Первые ряды дружно бухнулись на колени, начав креститься и громко молиться. Гул и сутолока все нарастали, пока один из дворян громко не шелкнул кнутом, прокричав:

– А ну замолкли! – поймав мой одобрительный взгляд, меченоша Вториж еще более зычным голосом продолжил: – Живо порядок навели, богомольцы хреновы!

Меньше чем через минуту установилась первозданная тишина, все взоры опять были прикованы ко мне.

– Завид, сколько людей собралось, сосчитал? – спросил я, наверное, у единственного в этой толпе умеющего считать больше чем до ста, сына кузнеца, отиравшего в первых рядах.

– Две сотни и еще семь человек, княжич, – уверенно и с поклоном ответил невольный катализатор всего этого действия. – Из них больше сотни городских...

«Примерно по пятнадцать человек на брата», – быстро в уме я разделил количество учеников на учителей.

– А теперь слушайте меня, – сказал я, думая о том, как бы всю эту толпу распределить по своим дворянам, – выходим из ворот по одному человеку, медленно и не спеша. Как скажу стоять – все сразу остановились. Давайте, с Богом, потихоньку на выход, по одному!

Такие меры предосторожности были необходимы, чтобы избежать возможной сутолоки и давки.

Первые ряды с недоумением потянулись к выходу. У каждого на лице застыл вопрос: «А как же обещанная учеба?» Вслух никто ничего не посмел даже пикнуть, а лишь покорно последовали за вышедшим на улицу княжичем с его свитскими.

Тем временем я принялся отсчитывать выходящих из конюшен. «Тринадцать, четырнадцать, ага, вот какой-то заморыш и будет пятнадцатым», – про себя скрупулезно пересчитывал выходящих на свет Божий.

– Стоп! – что есть сил проорал я, к моему голосу присоединились выкрики дворян:

– Стоять! Кому сказано? Стойте!

Все замерли и уже привычно, с немым вопросом на устах, уставились на меня.

– Вертак, принимай своих учеников. Самых тупых и нерадивых через месяц можешь выгнать, предварительно мне отчисляемых показав!

Меченоша в полном изумлении беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот.

– Вспоминай, как и чему я вас учил, и ту же науку преподавай вот этим, – я указал на сгрудившихся в кучку пацанят, – теперь уже своим ученикам. По первости их перепиши, заднепровцев здесь размести, а с завтрашнего дня начинай учебу. Городские пускай сами за себя думают, как и когда они к тебе будут на занятия приходить. Ученикам своим ты теперь в день несколько часов выделяй, так что распланируй свой распорядок дня. Иди, принимай, – я хлопнул все еще ошарашенного Вертака по плечу, а сам обратился к оставшимся дворянам, дабы их приободрить: – Вы вот еще о чем подумайте. Я вам помимо прочего учеников даю, чтобы вы учились с людьми работать, а не только мечом махать! Вы ведь будущие воеводы, а потому для вас наука эта должна быть первостатейная по своей важности. Копьем дырывать супостата и обыкновенные вои смогут, а вот командовать множеством людей – этому тоже надо долго и упорно учиться. Верно я говорю, дядька? – я обратился к авторитетному мнению Перемоги, надеясь, что тот меня поддержит, и не ошибся в этом.

– Верно, княжич. Бывает такое, что дружинник отменный рубака, а поставь его хоть бы десятником, так он с ними никак сладить да управиться не может, а бывает наоборот – рубится хуже новика, а поставь его хоть над тысячей – и сам не пропадет, и ей не даст. Тут ты, княжич, верно подметил.

– Слышали? – я вновь обратился к слегка отошедшим от шока дворянам. – Та учеба не только самим ученикам, но и вам самим впрок пойдет! Поэтому следующие пятнадцать учеников, Нерад, твои будут. Шагом по одному пошли на выход! – прокричал я в приоткрытые ворота.

Вернувшись с охоты князю я хоть и с трудом, но сумел объяснить мотивировку своих действий, доводы приводил все те же, что и своим дворянам с Перемогой. Особенно князю понравились слова, что мне надо учиться управлять большими массами людей. А вот чего я не ожидал, так это того, что подобное массовое образование не понравится церковникам. Они, во главе с епископом, некоторое время что-то бубнили про бесовские, не освещенные церковью цифири и письма, но после длительных разговоров и подаренных князем весей (деревень) все-таки, с недовольной миной на лицах, умолкли.

За первые пять недель обучения было отсеяно семьдесят человек. Среди отчисленных были тугодумы, лентяи и просто лица, не заинтересовавшиеся учебой. Здесь подобный контингент тянуть за уши к светочу знаний никто не собирался. В последующем, для круглого счета, планировалось выявить и отчислить еще три десятка неуспевающих учеников. Чтобы дворяне не перегибали палку, я лично беседовал с подлежащими отчислению, и нескольких учеников вернул обратно на учебную стезю, заменив им преподавателей.

Образовательная программа дала мне возможность более уверенно смотреть в будущее, по крайней мере, управляемость княжеством, когда эти ученики закончат свою учёбу, резко возрастет. И нынешняя, скорее номинальная власть князя из-за острого дефицита управленческого аппарата вскоре должна будет превратиться во вполне реальную. Во всяком случае, я в это верил и искренне этого желал. В противном случае уже начавшаяся складываться в моей голове программа дальнейших действий может рухнуть, так и не начавшись.

По последнему снегу в Смоленск на санях нагрнула княжеская кодла. Были они Ростиславичами, то есть нашими родичами, признававшими на словах старшинство и законное право княжить в Смоленске за Изяславом Мстиславичем. Князья желали на междусобойчике обсудить недавнее изгнание обратно в Полоцк Святослава Мстиславича – главного оппозиционера и недавнего узурпатора.

Еще перед пиром по случаю долгожданной встречи «любящих» братьев-князей у меня состоялся конфиденциальный разговор с Изяславом Мстиславичем. Меня он просвещал насчет того, «who is who» в обширном семействе ныне здравствующих князей Ростиславичей.

– Слухай, сыне, меня со всем вниманием и добре запоминай. После того как четыре года назад умер Мстислав Давыдович, князь Смоленский, старейшим в роде Ростиславичей стал Владимир Рюрикович, ныне великий князь Киевский. Поскольку он от княжения в Смоленске отказался, то по старшинству очередь править перешла к внукам старшего сына Романа Ростиславича. А ныне в живых их всего трое – старшой Святослав, князь Полоцкий, гад ползучий, Полоцка, вишь, ему мало оказалось, Смоленск еще подавай, – с ненавистью стиснув зубы, выговаривал Изяслав Мстиславич, желая успокоиться, и прошёлся по светлице, затем продолжил: – Я – внук Романа Ростиславича и средний сын Мстислава Романовича! Ныне по всем законам я есмь единственный законный правитель земли Смоленской. Следующий по старшинству идет мой младший брат Всеволод, бывший князь Новгородский. Не станет меня, тогда по лестнице именно он должен будет стать князем Смоленским. А аспид Святослав для смолян уже отрезанный ломоть, если он выбрал править Полоцком, то и ему и его потомкам там и сидеть!

Я не только внимательно слушал, но и конспектировал родословную смоленских князей. Глянув на меня с одобрением, Изяслав Мстиславич продолжил свою «лекцию».

– Но Всеволод тебе не большой соперник. После новгородского княжения сидит он себе тихо на своих смоленских удельных землях в городе Кричев, а главное – сыновей не имеет.

Изяслав Мстиславич мимолетно улыбнулся каким-то промелькнувшим у него в голове мыслям.

– А вот между Всеволодом и тобой стоит, пожалуй что, твой главный соперник на смоленский стол, Ростислав Мстиславич, удельный князь Дорогобужский... – видя, что княжич напряг лоб и начал перечитывать свои записи, пояснил: – Это родной сын умершего четыре года назад смоленского князя Мстислава Давыдовича, с которого я тебе и начал этот сказ.

– А, понятно! – я, к пущему удовлетворению отца, опять что-то принялся записывать.

– Кто-кто, а Ростислав Мстиславич тебе не уступит, зубами вцепится, ведь у него вдобавок ко всему пять сынов. Ведь и такое сейчас правило в ходу, что если отец при жизни не был великим князем, то и дети его ими быть не могут, даже если по лестнице им и положено.

– Понял, отец, а имена детей Ростислава помнишь?

– Величает своих детей он только христианскими именами: Глеб, Фёдор, Михаил, Константин и Юрий.

Мое стило опять быстро застрочило.

– То есть, не поминая лихом аспида Святослава и киевского князя Владимира Рюриковича, по лестнице поперед тебя на смоленский стол сесть могут только двое: твой родной дядька Всеволод и двуродный дядька Ростислав.

– Отец, так ведь дети Владимира Рюриковича по старшинству тоже меня опережать будут?

– Не-а, – с ленцой в голосе ответил князь, – Рюрикович уже стар, скоро ему шесть десятков сполнится, сынов у него в живых никого не осталось. Есть, правда, дети от второй жены, но еще слишком малые они годами. Зато жив и здоров, будь он неладен, его внук – Владимир Андреич, удельный князь Вяземский. Вот поэтому я и хочу Владимира Рюриковича с киевского стола скинуть, чтобы поперед себя туда Святослава не пустить. Ведь Владимир Рюрикович дружен с полоцким князем, а заодно его внука Владимира ослабим. По лестнице ты старше Владимира Андреича, он, если ему дед не подсобит, тебе должен уступить Смоленск. Поэтому-то Владимир Рюрикович князю Полоцкому благоволит, хочет чужими руками путь к смоленскому столу для своего внука сволочного расчистить.

– Тебе, отец, видней, что делать, – не стал я пререкаться и вступать в дискуссию по не совсем понятной мне теме.

– Само собой! – согласился Изяслав Мстиславич. – Это я тебя упреждаю, чтобы ты знал о наших делах, но обо всем здесь услышанном – молчок!

– Конечно, я не враг сам себе!

Перед началом официальной встречи «в верхах» удалось накоротке познакомиться с князьями, из тех, что приехали в столицу. Их было двое: Всеволод Мстиславич и Ростислав Мстиславич. Владимир Андреич, удельный князь Вяземский и по совместительству внук Владимира Рюриковича Киевского, а также владетель города Лучин Святослав Ростиславич на встречу не явились. Остальные князья – Василий Мстиславич, удельный князь Ржевский, Давыд Мстиславич, удельный князь Торопецкий, хоть формально и входящие в состав Смоленского княжества, были уже давно самостоятельными володителями. Их отцы не были великими князьями смоленскими, а значит, и их дети такого права лишались. Поэтому им не было смысла, да и желания, появляться на мероприятиях подобного рода.

Изяслав Мстиславич гордо восседал на столыце в зеленых сафьяновых сапогах и в красном кафтане, сделанном из качественного немецкого сукна. На широком поясе, расшитом

золотыми нитями, висел меч, отливавший позолотой ножен и рукоятки. Воротник шелковой рубашки князя украшала кайма, расшитая бисерной нитью. Поверх одежды на массивной золотой цепи, обвивавшей княжескую шею, была подвешена большая, с чеканным изображением его герба золотая бляха. Рядом с князем, на расписном креслице меньших размеров, скромно притулился и я, собственной персоной.

Входящие в гридницу князя и смоленские бояре (куда уж без них!) здоровались с князем со всем вежеством, а Ростиславичи еще и лезли лобызаться – троекратно целовались. Ладно хоть, не по-брежневски, без засосов.

Наконец все приглашённые расселись на скамьях. Ближе к смоленскому князю места заняли князя, а за ними уместились бояре.

Позже всех явился смоленский епископ с двумя игуменами крупнейших смоленских монастырей. При его появлении все поднялись и опять же по очереди – сначала князя, а потом бояре – стали подходить к его святейшеству для благословения. Алексей осенял всех крестным знаменем и давал целовать свою морщинистую руку, густо покрытую волосом. Ну и мне, соответственно, пришлось приложиться, вслед за князьями, к длани епископа.

Закончив с ритуалами, Алексей, опираясь на посох и что-то бормоча под нос, взгромоздился на специально подготовленное для него кресло. Уселись и все остальные.

Изяслав Мстиславич окинул взглядом стоящие полукругом скамьи и обратился к присутствующим:

– Братья князя и господа бояре! Все вы знаете, какая беда приключилась в прошлом году в Смоленске. От голода и мора в городе ужасно много людей померло. В четырех больших скудельницах⁹ положили тридцать две тысячи человек кроме тех, кои на кладбищах погребены!

– И мать-земля в прошлом годе сотрясалась, – дополнил князя Алексей. – То нам всем был знак Господень! Грядут апокалипсис и Страшный суд! Думайте о своих грехах крепко. Не жалейте ничего матери-церкви, потому как токмо в ней вы обряцете спасение!

Кто о чем, а вшивый о бане! Без смеха на этого клоуна в ризах я смотреть не мог, а от его гнилой патетики так и тянуло хорошенько ему вмазать.

Впечатленные пророчеством бояре забыли, как дышать, а меня от накатывающего смеха так и пробирало.

Изяслав Мстиславич помолчал, обдумывая услышанное.

– Пути Господни неисповедимы, владыка! Не время и не место обо всем об этом сейчас говорить. У нас тут свой Каин объявился – Святослав, оттого и котора¹⁰ возникла! Три лета тому минуло, как я грамоту договорную со Святославом Полоцким подписал и он крест целовал не затевать со мною распрю за великое княжение смоленское. Но уговор он сам же и порушил! Потому спрашиваю вас, пойдём на Полоцк войной али простим Святослава? Кто что сказать имеет?

Бояре, пребывая на бесплатном представлении, пока помалкивали. Поднялся Ростислав Мстиславич, удельный князь Дорогобужский.

– Братья князя и вы, господа бояре, дозвоьте мне слово держать. Изяслав Мстиславич прав, гроза превеликая над нами пронеслась, тут спору нет. Но много ли нам выгоды от похода на Полоцк будет? – последние свои слова он адресовал боярам.

– Правда твоя, Ростислав Мстиславич! – вскочил как наскипидаренный тысяцкий Михалко Негочевич. – Какая нам выгода? Нет никакой! Сами от невзгод за малым чуть не померли, а князь нас уже зовет клятвопреступника покарать! Если он еще раз в наши края заявится, то мы его встретим людно и оружно, но самим *сейчас* переть на рожон...

---

⁹ Скудельница – яма.

¹⁰ Котора – распря, междоусобная княжеская война.

Большинство присутствующих бояр своими одобрительными репликами поддержали тысяцкого, но некоторые, хмурая лбы, отмалчивались.

Ростислав Мстиславич с удовлетворением взглянул на бояр. Усиливать смоленского князя полоцкими землями было совсем не в его интересах.

– А ты, брате, чего отмалчиваешься? – обратился Изяслав Мстиславич к своему младшему брату.

С трудом, производя всем своим внешним видом впечатление глубоко больного человека, поднялся Всеволод Мстиславич – бывший князь Новгородский, удельный князь города Кричева.

– Ты, брате Изяслав, ходок, да больше супротив своих! Вспомни-ка молодость, сколько раз ты приводил половцев под стены Киева?

– Про то не поминай, чего старое тормозить! – Изяслав Мстиславич явно занервничал. – Не для того мы сейчас собрались.

– Как не поминать, коли оно, как шило из мешка, торчит? – негромко, но внятно произнес Всеволод, тяжело усаживаясь обратно на свое место.

Тут, чуть не уронив посох, вскочил боярин Пантелей Братонежнич – староста Ильинского конца.

– Верно Всеволод говорит, зачем нам уособицу продолжать? Будь, Изяслав Мстиславич, мудрее Святослава, тот распрю начал, а ты ее закончи!

Изяслав Мстиславич вскинул на боярина уничтожающий взгляд, недовольно качнул головой.

– А тебе, боярин, пока речь ведут князья, и помолчать не грех.

Тут не вытерпел знакомый мне еще по Зарю боярин Дмитр Ходыкин.

– Правильно, Пантелей Братонежнич, только закончить распрю надоть князю Смоленскому в Полоцке, согнав оттудова Святослава!

В гриднице угрожающе стал нарастать гул голосов.

– Вече не согласится ратиться с Полоцком, а князь с полутора сотней дружины дальше Витебска не пройдет! – вскипел Артемий Астафьевич, смоленский посадник.

Все бояре подскочили со своих мест и заголосили, каждый на свой лад. Поднялся шум, крики, взаимные упреки и даже угрозы. Иные уже за оружие схватились. Страсти накалялись...

И тут вопли заглушил громкий стук по полу посоха Алексия, восседающего в своем кресле. В стихнувшем шуме раздался его повелительный голос.

– Уймись, нечестивцы! – епископ притопнул ногой. – Не то я всех вас, окаянных, посохом в разум приведу!

– Правда твоя, отче! – встал Изяслав Мстиславич, уже обращаясь к боярам: – Утихомируйтесь! Не место здесь, на совете, свару затевать. Нам тут речи держать надо миром да ладом, по согласию. Охолоньте малость, господа бояре, и садитесь по своим местам.

Бояре, издавая невнятное ворчание, послушно расселись.

– Но хочу я спросить у смоленского князя, на ком вина лежит за разжегшуюся котору? – опять подал голос Ростислав Мстиславич. Говорил он негромко, вкрадчиво и даже мягко, но его губы все время кривила какая-то неприятно-загадочная ухмылка. – Ходили слухи, еще до прошлогодних событий, о том, что ты, Изяслав, хочешь уйти добывать великокняжеский столец под Владимиром Рюриковичем Киевским. А в Смоленске, порушив лествицу, посадить своего сына. А нам всем ведомо, полоцкий и киевский князья дружны меж собой. Может, поэтому Святослав своим ударом по Смоленску упредил тебя? Что скажешь, брате?

В притихшей было гриднице снова возникло оживление. Изяслав Мстиславич крепко сжал ручки кресла, левая бровь его чуть заметно задрожала. Сдерживая себя от бешенства, он резко ответил своему двоюродному брату.

– То лжа голимая и поклеп! – безапелляционно заявил Изяслав Мстиславич. – И слухи те злонамеренные Святослав-иуда распускал, чтобы меж нами рознь посеять!

Ох, лукавил князь, лукавил! Знаю я, что он о Киеве мечтает, будто на том свет клином сошелся. Поверили ли ему князья? Сомневаюсь. Всеволоду, кажется, все по барабану, а Ростислав тот еще лис, его на мякине не проведешь!

Поднялся боярин Якун Домажирич, руководитель посольской службы, чтобы высказать свое мнение, но смоленский князь его остановил взмахом руки.

– Все мне ясно, и хватит нам уже изводиться! Согласия меж нами нет, на Полоцк идти ратью большинство из вас не желает. Поэтому... – Изяслав Мстиславич, отойдя от стола, вежливо поклонился на три стороны. – Братья князья! Епископ, игумены! И вы, бояре! Закончим совет! Теперь вы все мои гости дорогие. Пройдемте в трапезную, прошу вас отведать, чего Бог послал!

Хоть совет и закончился пшиком, но пир был грандиозным, с перерывами на сон, он продолжался трое суток. Я присутствовал на нем эпизодически, так как еще не достиг четырнадцати лет, а потому по местным меркам считался несовершеннолетним.

На четвертые сутки, чуть живые от перепоя, князья разъехались по своим дворам. Приехавшие в Смоленске на сходку князья постоянно в городе не жили, бывали в нем наездами. Большую часть своего времени они проводили в своих уделах, расположенных на территории княжества. В городе вышепоименованные князья владели собственными подворьями, что располагались рядом с княжеской резиденцией. Проторчали князья здесь целую неделю. Сюда, насколько я понял, они являлись лишь для того, чтобы держать нос по ветру, если удастся – то половить рыбку в мутной воде.

Вот и сейчас они приехали, чтобы выведать обстановку, узнать о царящих в городе настроениях. Но если Всеволод был индифферентен, то Ростислав Дорогобужский активно водил своим жалом по сторонам. Все время своего пребывания в столице он тихорился, перешепывался с боярами, подлизывал своих сторонников среди бояр, купцов, вербовал новых. Изяслав Мстиславич обо всем этом знал, но, не обращал внимания, почитая своими главными врагами Святослава Полоцкого и Владимира Киевского. Ну, еще вспоминал и внука киевского князя – Владимира Андреича, которого на дух не переносил! А на Ростислава, чуть ли не в открытую вербующего себе среди смоленских бояр агентов влияния, смотрел сквозь пальцы. При встречах князья мило друг с другом расцеловывались и нагло лицемерили, прямо как известные политики моего времени. Действительно, ничто не ново под луной!

Внезапные приезды и отъезды князей навели меня на одну дельную мысль, которую следовало бы проверить. На некоторых крышах зданий княжеского подворья я обнаружил прижившихся здесь голубей и даже их гнезда. Стоит попробовать организовать голубятню. Странно, но за все время пребывания здесь я не видел, чтобы князь или кто-то из бояр использовал для связи голубиную почту. Соколиная охота существовала, другое дело, что Изяслав Мстиславич был равнодушен к такой охоте. На прямой вопрос, что он знает о голубиной почте, князь промямлил что-то невнятное. Что-то о существовании почтовых голубей он слышал, но что это такое и с чем это едят, не знал.

В качестве эксперимента я приказал отловить одного голубя, мы его пометили, чутка испачкав углем. Вместе с выехавшими на охоту дружинниками я отослал одного из своих дворян, вручив ему клетку с помеченным голубем и распоряжением выпустить его подальше от Смоленска. К вечеру во двор влетел испачканный в саже голубь, недовольно уселся на крышу крыльца и принялся чистить свои перышки. Я обрадованно хлопнул по плечу Корытью, стоявшего рядом, со словами:

– Голубиной почтовой службе быть!

И на следующий день принялись сооружать голубятню. Старшим поставил одного из челядинников, проходящего учебу у моих дворян, с приказом кормить, холить и лелеять голубей, чтобы приручить их к себе. Как только будку-голубятню поставили, приказал холопам начать аккуратный отлов голубей, выдав всем заранее смастеренные сачки. Далее – проще простого, голубей продержали в голубятне несколько дней, усиленно кормя, потом открыли форточки, но выгнать их на улицу оказалось проблематично, улетать из теплого местечка отъевшиеся за несколько дней на казенных харчах голуби не желали категорически. С этого дня все дворовые голуби обитали на голубятне, вылетали в город по своим «птичьим делам», но всегда возвращались в пригретое ими местечко – в мою голубятню. Чуть позже голубки обзавелись в голубятне гнездами и высиживали здесь же своих птенцов. Следующее поколение будем испытывать уже на более дальних дистанциях.

Когда наступало всеми здесь тщательно соблюдаемое и свято чтимое время послеобеденного отдыха и сна, я обыкновенно с частью бодрствующих дворян, когда с Перемога, когда с выделенными им дружинниками, выезжал на конные прогулки по городу и его пригородам. Благодаря этим выездам всегда удавалось узнать или заметить что-то новое, да и смолянам полезно лишний раз на своего потенциального в будущем князя поглядеть. Все на пользу пойдет моему нарождающемуся авторитету среди горожан, кроме того, и смолянам мой искренний интерес к их житью-бытью льстил.

Первое свое знакомство с городом я начал с обследования крепостных и защитных сооружений. У надвратной башни, где осуществлялся въезд/выезд из окольного города, всегда толпился народ и присутствовала вооруженная охрана.

– Позовите боярина Пивова, – обратился Перемога к воротной страже. – Княжич, Владимир Изяславич, желает осмотреть вашу городню.

– Боярин Ян Васильевич Пивов, он и его люди отвечают за охрану этой надвратной башни, княжич, – пояснил мне пестун.

Искомый боярин явился верхом, минут через десять. Я все это время с интересом наблюдал за простым народом, безостановочно снующим туда-сюда у ворот.

Боярин, лет пятидесяти, с напыщенным достоинством спешил, отдав поводья сопровождающему его стремянному.

– Будьте здоровы, княжич и вы, люди православные! – кланяясь всем сразу, сказал он.

– Здрав будь, боярин, – ответил за всех Перемога. – Дозволишь ли княжичу осмотреть окольные стены и вежи¹¹?

– Завсегда рад угодить нашему князю и его наследнику! – чуть поклонившись, следуя местному политесу, ответил боярин.

Живой цепочкой, следуя один за другим, по внутренним лестницам поднялись на мощные, рубленные из дуба стены. Так началась довольно занимательная и, чего уж там, познавательная экскурсия, растянувшаяся на пару часов.

Укрепления Смоленска состояли из непосредственно городских укреплений (окольный город), укрепленного посада и монастырей. Валы с деревянной стеной, окружавшие город, располагались от верховьев Пятницкого оврага на западе и до оврага Крутой Боярак на востоке. На востоке южный вал, дойдя до верховьев оврага Крутой Боярак, поворачивает на север, и дальше восточная часть городских укреплений шла по верху левого склона оврага и выходила на Костеровскую башню, где стояли Крылошевские ворота. Речка, впадающая в Днепр перед этими воротами, образовывалась слиянием Зеленого и Георгиевского ручьев. Западная граница городских укреплений определяется также достаточно четко. Южный вал поворачивал к северу, выходил на Васильевскую гору и по ней спускался к Пятницким воротам. С запада

---

¹¹ Вежи – башни.

эту часть городских укреплений защищал глубокий овраг с протекающей по нему Пятницкой речкой. Северная граница городских укреплений проходила вдоль берега Днепра от Крылошевской башни до Пятницких ворот.

Вышеописанные укрепления очерчивали территорию, которую называли Окольный Старый город. Окольный город пересекался улицей под названием Большая дорога, которая делила его ровно пополам на Пятницкий и Крылошевский концы. С запада к Пятницкому концу окольного города примыкал так называемый Пятницкий острог. На территории острога располагались главная городская площадь и рынок в одном лице – торг. Западнее острога, за речкой Чуриловкой, на Свирской горе стоял княжеский дворец вместе с дворцовым храмом Михаила Архангела. Часть хозяйственных построек дворца (различные амбары) была вынесена ближе к устью речки Чуриловки. Речными путями доставлять грузы на Руси было намного удобней.

На правом берегу Днепра (Заднепровье) располагался Ильинский (по-другому назывался еще Городенский) конец Смоленска. Он был втиснут между речкой Городянской и Ильинским ручьем. Здесь же, сразу за речкой Городянской, была расположена еще одна княжеская резиденция, и при ней дворовая церковь Петра и Павла.

То есть Смоленск, подобно Новгороду, делился на концы. Центрами концов были церкви. Главной церковью самого густонаселенного Пятницкого конца была церковь Св. Параскевы-Пятницы, Ильинского конца – церковь Св. Пророка Ильи. Обособленно от остальной части города стоял Смядынский монастырь (в честь св. мучеников Бориса и Глеба) – он лежал в низменной местности, на берегу Днепра, при впадении речки Смядыни. Смоленские князья принимали здесь пострижение и погребались.

Рядом с городом размещались села Ясенское и Дросенское, принадлежавшие епископской кафедре.

На левом берегу Днепра располагались важнейшие пристани. Нижняя пристань находилась в месте, где Днепр впадает небольшой приток Кловка, здесь был Нижний Волок. На запад от Кловки шли труднопроходимые песчаные бугры и глубокая речка Ясенная. Выше Смоленска находилась верхняя пристань (Верхний Волок). Здесь выгружались товары, привозимые с востока: из Средней Азии, Персии, Болгарии, а также из Ростово-Суздальской земли. Обе пристани соединялись Большой (Великой) дорогой. Между Верхним и Нижним был Средний Волок, проходящий по Западному лугу.

На правой стороне Днепра, на Покровской горе, стоял Крестовоздвиженский монастырь.

Смоленск был вытянут вдоль Днепра узкой полосой, протяженностью примерно в восемь километров от Троицкого монастыря в устье реки Кловка на западе и до кафедрального храма на восточной окраине речки Рачевки. Ширина жилой полосы занимала не более километра, следовательно, общая площадь города по левому берегу составляла 8 квадратных километров. Заднепровье имело площадь 3 квадратных километра. Таким образом, общая площадь города была ориентировочно около 11 квадратных километров. Такой типичный для начала двадцать первого века областной райцентр. И численность населения ему под стать – 11,5 тысяч человек, хотя еще совсем недавно в городе проживало 35 тысяч человек (для сравнения в Киеве до 70 тысяч человек, в Новгороде до 30 тысяч человек). Но мор, неурожай и голод сделали свое черное дело. Тем не менее было заметно, что город начинает потихоньку возвращаться к жизни, выжженные в противоэпидемиологических целях дома уже стали потихоньку отстраиваться приезжими.

Так как Смоленск всецело, за исключением некоторых церквей, был городом деревянным, то из-за высокой пожароопасности здесь преобладала дворовая застройка усадебного типа. Такая застройка помимо защиты от выгорания города также позволяла горожанам иметь приусадебные участки, на которых выращивались капуста с репой, содержался скот (у смолян были свои загородные выпасы и сенокосные угодья) и птица (зерно закупалось у крестьян).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.